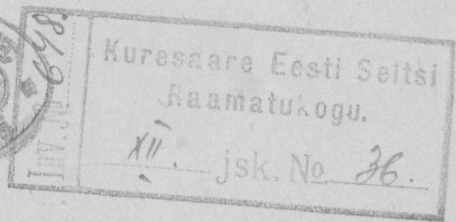
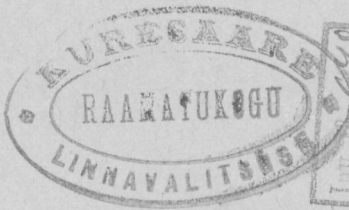

Ym. № 648

7a

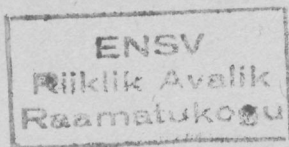
8231

А. ПОТРЕСОВЪ.

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМЪ

И

КОСМОПОЛИТИЗМЪ.

3.107

Издательство „КНИГА“.

ПЕТРОГРАДЪ.

МОСКВА.

Стрешинная ул., 11, тел. 648-62.

Б. Садов., д. Пягитъ, кв. 33, тел. 5-60-22.

EESTI

RAHVUSRAAMATUKOGU

2-03-02931.

10768.

Петроградъ, дозволено военной цензурой 1 сентября 1916 г.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ НИКОЛАЕВСКОЙ ВОЕННОЙ АКАДЕМІИ
ПЕТРОГРАДЪ, СУВОРОВСКІЙ ПРОСП., 32-В.
1916.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая брошюра, являющаяся непосредственным продолженіемъ моей брошюры „Война и вопросы междунаціональнаго демократическаго сознанія“ въ свою очередь представляетъ собою первую часть задуманной мною работы, посвященной цѣликомъ характеристикѣ двухъ въ настоящій моментъ антагонистичныхъ точекъ зрѣнія, изъ которыхъ каждая субъективно полагаетъ себя стоящей на почвѣ марксизма и каждая считаетъ другую съ этой почвы сошедшей. Которая же изъ двухъ точекъ зрѣнія имѣетъ, дѣйствительно, достаточно основанийъ для этого? По мѣрѣ своихъ силъ и разумѣнія, я пытался собрать матеріаль для сравнительной оцѣнки обѣихъ. При этомъ я рѣзко осудилъ точку зрѣнія антинаціональнаго космополитизма, котораго практически-политическая сторона мнѣ представилась въ видѣ импрессионистскаго максимализма, фатально приводящаго къ отрицанію одного за другимъ всѣхъ пунктовъ „минимальной“ демократической программы и обреченнаго играть роль дезорганизатора организованнаго движенія міровой демократіи.

Но осуждая эту точку зрѣнія самымъ беспощаднымъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ, я совсѣмъ не желаю проводить окончательной демаркаціонной линіи между ея представителями и тѣми, кто придерживается точки зрѣнія, характеризуемой мною, какъ точка зрѣнія интернаціонализма. Настоящій историческій моментъ ве-

личайшаго потрясенія умовъ—не моментъ, пригодный для традиціонныхъ въ Россіи размежевокъ. Это—моментъ, наоборотъ, призывающій къ дискуссіи, обязывающій не столько къ идейной борьбѣ, сколько къ совмѣстному идейному изслѣдованію.

Намъ предстоитъ несомнѣнно огромная работа по преодолѣнію того матеріала, который дала демократическому сознанію настоящая міровая катастрофа. Эта работа можетъ идти черезъ самую горячую полемику—пишущій эти строки отнюдь не считаетъ себя свободнымъ отъ увлеченія подобной полемикой—но она не можетъ, она не должна идти сквозъ строй торопливыхъ обоюдныхъ отлученій, подъ свистъ шельмующихъ анаеомъ, которыя ничего не разъясняютъ и только безнадежно слѣпятъ и безъ того помутненные страстью глаза.

Поэтому я бы очень жалѣлъ, еслибы кто либо нашелъ въ настоящей брошюрѣ элементы преданія остракизму моихъ старыхъ друзей и нынѣшнихъ противниковъ. Нѣтъ, я отнюдь въ этомъ случаѣ не имѣю намѣренія слѣдовать ихъ печальному примѣру и повторять въ какой бы то ни было формѣ опубликованное ими нѣсколько мѣсяцевъ назадъ отлученіе меня и моихъ единомышленниковъ....

Эта первая часть есть,—какъ я говорю въ дальнѣйшемъ текстѣ брошюры,—„критика практическаго разума“ моихъ оппонентовъ.

Вторая часть представитъ критику ихъ „чистаго разума“—ихъ аргументаціи, отправляющейся отъ извѣстной концепціи имперіализма, и ихъ представлений, формулированныхъ въ особенности въ брошюрѣ П. Б. Аксельрода — о національно-государственныхъ образованіяхъ, какъ пережиткахъ устарѣвшаго прошлаго. Къ этимъ главамъ я присоединю отдѣльную историче-

скую справку о томъ, какъ Энгельсъ, Каутскій и всѣ другіе старые интернаціоналисты рѣшали вопросъ объ оборонѣ и какъ этотъ вопросъ ими связывался съ подлиннымъ интернаціонализмомъ демократіи, съ основными частями ея „минимальной“ программы.

Іюль 1916 г.

А. П.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Сейчасъ еще рано, пожалуй, подводить итоги тому движенію мысли, тѣмъ сдвигамъ, которые произвела война въ средѣ демократіи. Эти сдвиги, съ одной стороны, еще далеки отъ своего отверженія, а съ другой—съ ними такъ легко смѣшать совсѣмъ не подвижку мысли въ томъ или другомъ направленіи, а лишь рефлекторную реакцію ея на ту боль, которой захлестнуло демократію взбаломученное море событій. Судорогу мысли или даже истерику чувствъ—въ себѣ и въ другихъ—тѣмъ соблазнительнѣе принять за новую мысль, за исходный пунктъ направленія, отличнаго отъ прежняго, что, вѣдь, это какъ нельзя лучше отвѣчаетъ исконному занятію русскихъ людей, которые—какъ извѣстно—другъ друга ѣдятъ и тѣмъ сыты бываютъ, ихъ вѣчному гранпасьянсу размежеванія.

Такъ и сейчасъ надъ нами уже рѣетъ призракъ новаго, по счету $(n + 1)$, „передѣла“ демократіи. И находятъ уже сихъ дѣлъ мастера, изо всѣхъ силъ хлопочущіе около этой благодарной работы. Хлопочеть, на примѣръ, г. Сухановъ, берущій подъ свою высокую руку (не смѣйтесь, друзья!)—основы марксизма, и во имя этихъ основъ говорящій Плеханову—„скатертью дорога!“ А, вѣдь, кажется, что Суханову марксизмъ и что марксизму—Сухановъ! Но, очевидно, есть въ воздухѣ нашего времени что-то, что развязываетъ руки пришлецамъ и даетъ имъ возможность въ имъ доселѣ чуждой средѣ дебютировать въ роли межевателей...

Но если рано подводить итоги тому, какъ далеко зашло за время войны движеніе мысли, то не рано попытаться все же учесть, куда оно идетъ, зафиксировать линію его устремленія. Если рано толковать о сложившихся идейныхъ теченіяхъ, о законченныхъ теоріяхъ, о готовыхъ программахъ дѣйствія, то болѣе чѣмъ своевременно начать говорить о намѣчающихся элементахъ новой теоріи и новой практики и принятыя за ихъ выявленіе. Ибо эти элементы весьма многочисленны въ жизни, ихъ гораздо больше, чѣмъ это можетъ представиться на первый поверхностный взглядъ. Бѣда только въ томъ, что таятся они подъ спудомъ специфическихъ русскихъ условій или отдѣлены за рубежъ, въ концентрированную атмосферу эмиграціи. И въ томъ, и въ другомъ случаяхъ нужны большія усилія, чтобы извлечь ихъ оттуда, и не всегда даже простое ознакомленіе съ ними доступно изслѣдователю. Такъ, пишущій эти строки, освѣдомленный о томъ, что статьи его на темы войны подверглись критикѣ за рубежомъ, лишенъ до сихъ поръ возможности видѣть текстъ этой критики, а стало быть—и на нее реагировать.

Но все же въ его рукахъ собрался матеріаль, достаточный, думается, чтобы судить объ общей картинѣ передвижекъ русской демократической мысли за истекшіе два года войны и чтобы придти съ несомнѣнностью къ выводу, что эта картина носить на себѣ всѣ черты традиціоннаго своеобразія русскаго развитія, что въ ней повторяется уже знакомая намъ по прежнимъ примѣрамъ стихія уклона, діаметрально противоположная той, которая давала и даетъ себя чувствовать въ идеологіи и въ практикѣ демократическаго движенія Европы.

Помните: въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго вѣка по всѣмъ странамъ европейскаго запада

катилась волна примиренческаго приспособленія демократіи къ наличной системѣ господствующихъ силъ, и на нивѣ международнаго движенія, казалось, такъ основательно вспаханной плугомъ новаторскаго реализма Маркса и Энгельса, выростали неожиданно всѣхъ видовъ махровые цвѣты филистерскихъ кроткихъ утопій: идеи классоваго сотрудничества, незамѣтнаго и мирнаго востанія въ будущей строй и инья подобныя. Наиболѣе цѣлостнымъ выраженіемъ этого сдвига демократіи вправо было въ Германіи бернштейніанство—съ его послѣдующимъ отвѣтвленіемъ въ видѣ социалистическаго империализма, и милльеранизмъ во Франціи.

И помните: эта волна не докатилась до Россіи или, лучше сказать—докатившись до Россіи, сыграла въ ней извѣстную роль въ процессѣ консолидаціи русской буржуазной демократіи, но оказалась совершенно безсильной передъ той демократіей, на которую была рассчитана, передъ той, среди которой—въ Европѣ—она совершала свои опустошенія. Почему? Потому ли, что эта демократія въ Россіи была здоровѣе европейской? Нѣтъ, но волнѣ заразы не благопріятствовали условія русской дѣйствительности, не отвѣчалъ моментъ историческаго бытія Россіи.

Въ русскихъ условіяхъ демократія могла страдать отъ дѣтскаго недуга отсталой общественности—примитивнаго радикализма, революціонализма, и являлась абсолютно невоспримчивой къ тому заболѣванію, которое вышло изъ нѣдръ совсѣмъ другой общественной формаціи, изъ нѣдръ общественности съ интенсивной политической культурой и съ высоко развитымъ демократическимъ движеніемъ. И потому мы, дѣйствительно, видимъ: годы оппортунистическаго уклона вправо отъ марксизма въ Европѣ были какъ разъ въ Россіи годами того, что по обычной—не слишкомъ удачной—терминологіи зовется уклономъ влѣво отъ марксизма.

если считать отъ марксизма расположенной влѣво сферу дѣйствія анархо-синдикалистскихъ и бланкистскихъ идей. Большевизмъ былъ истинно-русской крошкой изъ этихъ идей, и большевизмъ былъ неоспоримымъ гегемономъ въ русской демократіи за весь данный періодъ.

Можно даже сказать: чѣмъ сильнѣе свирѣпствовали оппортунизмъ на западѣ, тѣмъ—по закону общественно-психологическаго противорѣчія—вольготнѣе ощущала себя среди русской демократіи эта доморощенная карикатура на марксизмъ съ ея неистовыми аллюрами, и чѣмъ больше появлялось маленькихъ „правыхъ“ утопій тамъ, тѣмъ обильнѣе дѣлался здѣсь урожай на утопіи „лѣвыя“, и особенно въ моменты подъема. Противъ тусклыхъ утопій классового сотрудничества и востанія капиталистическаго общества въ социалистическое мы могли горделиво козырять многими великолѣпными, первоклассными утопіями съ обратнымъ знакомъ—утопіей „диктатуры пролетаріата и крестьянства“, утопіей „перманентной революціи“, утопіей пролетаріата, одними собственными силами производящаго коренную перестройку дореформеннаго общества—буржуазную революцію безъ буржуазіи...

Вотъ въ эту то перспективу истинно-русскаго развитія и надо вдвинуть впечатлѣніе отъ міровой катастрофы, чтобы понять, что произошло, что должно было произойти въ идейной жизни демократіи Россіи. Можно было сказать напередъ: здѣсь будетъ тоже катастрофа, здѣсь будетъ стремительный, еще невиданный, идущій далеко за предусмотрѣнные предѣлы возможнаго, обвалъ въ традиціонную „лѣвую“ сторону. И этотъ обвалъ зашумитъ тѣмъ сильнѣе, онъ захватитъ тѣмъ болѣе обширные пласты, чѣмъ больше атмосфера русской общественно-политической жизни проявитъ консерватизма, чѣмъ упорнѣе—среди всѣхъ пертурбацій

войны—станеть она сохранять свои исконныя особенности.

Такъ и случилось въ дѣйствительности. Если для многихъ, быть можетъ, еще недостаточно ясна эта стихія демократическаго „лѣваго“ обвала, такъ только потому, что проявленіямъ этого обвала, и въ первую очередь его литературному выраженію, мѣшаетъ, какъ я уже выше говорилъ, придавленность русской общественности, та ея замороженность, которую когда то возславилъ талантливый реакціонеръ Константинъ Леонтьевъ, и которая сейчасъ находитъ свое осуществленіе въ условіяхъ исключительнаго времени. Но все же и сквозь ледъ реакціи—и даже сквозь ледъ реакціи, быть можетъ, еще болѣе отчетливо проступаетъ особое лицо демократическаго сдвига въ Россіи.

Въ самомъ дѣлѣ. Уже подъ первыми ударами міровой катастрофы демократія Россіи обнаруживаетъ умонастроеніе, явственно противоположное тому, которое въ то же время замѣчается въ демократіяхъ Европы. Если тамъ въ большей или меньшей степени ощутимъ угаръ націонализма, если въ Германіи дѣло доходитъ до самаго подлиннаго патріотическаго бѣшенства, то у насъ, наоборотъ, по мѣрѣ того, какъ разсѣивается первоначальный туманъ растерянности, мѣшавшій разобраться въ очертаніяхъ мыслей и чувствъ, все яснѣе выдѣляется тенденція и эту міровую катастрофу воспринимать исключительно подъ угломъ своего національнаго русскаго противорѣчія, какъ дѣло, которое демократіи враждебно и чуждо уже потому, что оно есть дѣло того ея антагониста, на которомъ искони концентрировалась вся ея демократическая ненависть. Вспоминается крымская кампанія, вспоминается японская война, вспоминаются ихъ общественно-политическіе выводы, и не вспоминается, а переживается всѣмъ существомъ давленіе того пресса, который продол-

жаеть по традиціи и даже еще болѣе усиленно функціонировать на спинахъ обывателей вообще, на спинахъ демократіи въ особенности.

И въ связи съ этимъ, неудержимо растетъ и широко разливается въ кругахъ демократіи настроеніе бойкота, одной изъ разновидностей котораго является струя, носящая неуклюжую кличку „пораженчества“¹⁾. А на эту и безъ того въ опредѣленномъ направленіи подготовленную общественно-психологическую почву еще сверхъ того, какъ снѣгъ на голову, падаетъ потрясающая вѣсть о разрывѣ международныхъ связей демократіи, о триумфахъ націонализма въ Европѣ, о непонятныхъ и невѣроятныхъ событіяхъ тамъ, откуда до сихъ поръ лился свѣтъ на демократію Россіи.

Такъ накапливается итогъ переживаній, властно зовущихъ къ самому рѣшительному, къ самому безоглядному устремленію „влѣво“,—какъ можно дальше „влѣво“ отъ всего, что представляется связаннымъ причинною связью съ грѣхопадениемъ міровой демократіи, съ катастрофическимъ концомъ цѣлаго большого періода ея историческаго существованія. И соотвѣтственно этому, въ воздухѣ начинаютъ носиться новые идейные мотивы, новыя формулы... Идеологія, обобщающая и подводящая теоретическій фундаментъ подъ психологию „лѣваго“ обвала, готова вотъ-вотъ сложиться и собою увѣнчать нарождающееся теченіе въ демократіи.

И какъ всегда въ этихъ случаяхъ, какъ повелось уже съ давнихъ лѣтъ, на сцену въ нужный моментъ выступаетъ „заграница“ и даетъ эту идеологию, и провозглашаетъ для русской демократіи ея очередную „формулу прогресса“. На этотъ разъ—необходимо признать—„заграница“ выполнила свою историческую мис-

---

¹⁾ Это пораженчество есть, въ сущности, особаго рода разновидность націонализма, національно-ограниченной точки зрѣнія.

сію съ чрезвычайнымъ подъемомъ, съ первыхъ же дней войны взявъ на себя инициативу пересмотра старыхъ идей и обоснованіе новыхъ.

Въ парижскихъ „Голосѣ“ и „Нашемъ Словѣ“, въ брошюрѣ Троцкого, появившейся еще осенью 1914 г., въ статьяхъ П. Б. Аксельрода, Л. Мартова, въ ихъ письмахъ къ товарищамъ, въ коллективныхъ заявленіяхъ, наконецъ, въ брошюрѣ П. Б. Аксельрода, вышедшей на нѣмецкомъ языкѣ и носящей заголовокъ „Кризисъ и задачи международной соц. дем-тіи“, мы видимъ лихорадочное броженіе мысли, которое быстро слагается если не въ законченную, то, во всякомъ случаѣ, въ довольно таки полно намѣченную систему идей, органически связанныхъ одна съ другой въ нѣкоторое единое „міросозерцаніе“, въ нѣкую „точку зрѣнія“.

И мнѣ кажется, только понявъ эту „точку зрѣнія“, только разобравшись въ этой системѣ идей, и возможно дѣйствительно уразумѣть всю огромность происшедшаго сдвига, всю глубину разрыва, который часть демократіи произвела съ своимъ прошлымъ, всю силу размаха „лѣвизны“, побѣдившей даже и такіе устойчивыя, десятилѣтіями работы испытанныя умы, какъ умъ П. Б. Аксельрода. Если даже онъ подался—я считаю это величайшимъ несчастіемъ для русской демократіи—то какъ же велика была, значитъ, стихія „полѣвнія“, и не смѣшно ли говорить, имѣя передъ собою головокружительную импровизацію идеологии, отвѣчающей скачку демократіи „влѣво“, о какихъ либо достойныхъ учета уклонахъ вправо демократіи—въ обстановкѣ русской дѣйствительности.

Здѣсь есть индивидуальныя ошибки, невѣрные практическіе выводы, но нѣтъ главнаго, рѣшающаго признака подлиннаго сдвига направо: нѣтъ дѣйствительно сдвинувшейся вправо идеологии, нѣтъ элементовъ праваго ревизионизма—пересмотра своего марксист-

скаго міросозерцанія, подобнаго тому „лѣвому“ пере-
смотру, который заявляетъ теперь о себѣ столь рѣши-
тельно и громко.

Такъ, на что ужъ, казалось, далеко подвинулся
Плехановъ „направо“ въ той предлагаемой имъ прак-
тической политикѣ, которой должна слѣдовать демо-
кратія въ Россіи на все время войны, ¹⁾ но и у Пле-
ханова ни одинъ серьезный и вдумчивый критикъ-
марксистъ не сможетъ найти отказа отъ какого бы то
ни было изъ основныхъ положеній ортодоксально-
марксистскаго міровоззрѣнія или отъ полувѣковой тра-
диціи демократическихъ партій, отъ рѣшеній ихъ съѣз-
довъ. Хотя, мнѣ думается, тотъ же критикъ—но это
вопросъ ужъ другой—признаетъ ошибочнымъ понима-
ніе Плехановымъ метода разрѣшенія очередной задачи,
которую міровая катастрофа поставила ребромъ передъ
демократіей Россіи, и односторонне неполной, а потому
и поверхностной его оцѣнку всего кризиса въ цѣломъ.

Я бы сказалъ, примѣръ Плеханова является какъ
нельзя лучше подтверждающимъ силу „лѣвизны“, „лѣ-
ваго“ устремленія демократіи въ обстоятельствахъ
критическаго времени: вѣдь, достаточно было Плева-
нову столкнуться съ этой стихіей, чтобы не только
исчезла вербующая мощь его публицистическаго слова,
но и быстро померкла—въ глазахъ демократіи—авто-
ритетность его имени.

Стихія російскаго „лѣваго“ обвала заставляеть,
очевидно, забывать или правильнѣе будетъ сказать—
помогаетъ широкимъ кругамъ демократіи оставаться
въ полнѣйшемъ невѣдѣніи того, что значить невыду-
манное, какъ выдуманно было Плехановское,—а дѣйстви-
тельно имѣющееся на лицо—какъ въ настоящее время

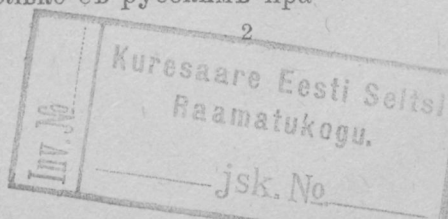
¹⁾ Стоитъ вспомнить его злополучное письмо депут. Бурья-
нову.

въ Европѣ—„поправѣніе“ демократіи, и какой страшной, смертельной опасностью оно въ самомъ дѣлѣ грозитъ всѣмъ основамъ международнаго движенія.

Вѣдь, не даромъ этотъ катастрофическій процессъ перерожденія социалистической идеологіи въ развитое империалистское міровоззрѣніе напугалъ не только представителей ортодоксальнаго марксизма Германіи, но и многихъ даже самыхъ умѣренныхъ ревизионистовъ. Такъ, пришелъ въ ужасъ Эдуардъ Бернштейнъ—теоретическій основоположникъ германскаго оппортунизма, и порвалъ со своими недавними единомышленниками. Такъ, извѣстный ревизионистъ Эдмундъ Фишеръ, терроризированный тоже этимъ стремительнымъ сдвигомъ направо, стремится теперь, на страницахъ „Neue Zeit“—успѣшно ли, это вопросъ особый—снять съ германскаго ревизионизма, или какъ онъ называетъ его—реформизма, отвѣтственность за это новѣйшее развитіе.

И подлинно страшно становится за судьбу того социалистическаго движенія и той социалистической мысли, которыя безъ сопротивленія влѣзаютъ въ комнату новѣйшаго ультра-захватнаго капитализма, и готовы дѣлать вмѣстѣ съ нимъ его авантюристскіе планы, его политику насилія, его историческое безчестіе.

Надо „переучиться“—„man muss umlernen“, переучиться въ империалистскомъ смыслѣ—вотъ лозунгъ настоящаго дня среди очень вліятельныхъ и очень отвѣтственныхъ круговъ германской и австрійской демократій. А какъ далеко и въ какомъ направленіи зашло „переучиваніе“, можно судить по примѣрамъ,—по примѣру, ну, скажемъ, Пернерсдорфера, исторической фигуры въ движеніи австрійской демократіи; Пернерсдорфера, который теперь можетъ позволить себѣ, не стѣсняясь, печатно заявлять, что настоящая война вѣдется и должна вестись не только съ русскимъ пра-

вительствомъ, но и съ русскимъ народомъ, что либеральное обновленіе Россіи было бы несчастьемъ для Германіи и Австріи и что надо стремиться границы Россіи отодвинуть—чѣмъ дальше, тѣмъ лучше: если возможно, то въ Азію.

Конечно, то, что говоритъ Пернерсдорферъ, повторить за нимъ не всякій даже изъ крайнихъ „имперіалистовъ“ демократіи; конечно,—это геркулесовы столбы, кульминаціонная точка шовинистическаго націонализма... Но, вѣдь, въ томъ то и дѣло—кульминація не индивидуальный уклонъ, она указываетъ на общій уровень, на высоту той волны націонализма, которая хлещетъ, и то, что поражаетъ насъ въ выпадѣ Пернерсдорфера—на этотъ выпадъ счелъ нужнымъ реагировать Каутскій—кидаетъ свѣтъ на характеръ всего демократическаго праваго сдвига. Пернерсдорферъ въ экспансивной формѣ выражаетъ то же самое, что въ болѣе сдержанной утверждаютъ и Кольбъ, и Гейне, и всѣ, иже съ ними, и что имѣетъ своей движущей осью совсѣмъ не идею защиты страны, представляющуюся многимъ изъ нашей російской демократіи первоисточникомъ зла, а интересы и запросы имперіалистскаго развитія, на почву которыхъ становятся всѣ идеологи праваго сдвига, чѣмъ и дѣлаютъ невозможнымъ существованіе международной демократіи, какъ цѣлаго.

Если же имѣть передъ своими глазами всю эту картину европейскаго сдвига, то нетрудно, казалось бы, обращаясь къ Россіи и къ жизни ея демократіи, убѣдиться въ томъ, что въ русскомъ демократическомъ движеніи нѣтъ и намека на такое развитіе, что прилагать ярлыкъ націонализма къ Плеханову, а тѣмъ болѣе къ тому направленію мысли, которое за время войны успѣло себя заявить среди передовыхъ элементовъ рабочей демократіи Россіи, какъ интернаціоналистское, признающее своей очередной задачей одно-

временное освобожденіе страны отъ обоихъ видовъ общественнаго бѣдствія,—можно только, если самъ не остался на старомъ интернаціональномъ пути, если самъ сошелъ съ него въ сторону.

И въ самомъ дѣлѣ, критикующіе такъ интернаціонализмъ „оборонцевъ“, видящіе въ немъ російскую разновидность европейскаго праваго сдвига, по собственному авторитетному признанію нѣкоторыхъ изъ нихъ, дѣйствительно съѣхали въ сторону, сдвинулись „влѣво“, потому что, по ихъ мнѣнію, въ настоящее время нѣтъ другого какого-либо выбора. „Надо идти,—говоритъ одинъ изъ нашихъ оппонентовъ—или налѣво, или направо съ того пункта, который представляется дѣйствительнымъ историческимъ распутьемъ“.

И такъ какъ онъ—нашъ оппонентъ—пошелъ *налѣво*, то естественно, что ему кажутся всѣ, за нимъ вслѣдъ не идущіе, повернувшими *вправо*, и онъ не хочетъ—или не можетъ—допустить, что эти непослушные идутъ не влѣво, и не вправо, а просто, не мудрствуя лукаво, *прямо впередъ*, по тому исконному, болѣе чѣмъ полу-вѣковымъ развитіемъ подтвержденному направленію, съ котораго ихъ не собьютъ никакія мнимыя „распутья“ міровыхъ катаклизмовъ, и въ вѣрности которому ихъ только укрѣпляетъ сознаніе тѣхъ многихъ ошибокъ, вольныхъ и невольныхъ, въ которыхъ повиненъ предыдущій періодъ международнаго демократическаго развитія.

Словъ нѣтъ, ошибки надо исправить; словъ нѣтъ, предстоитъ тьма-тьмущая работы и творчества. Но ни откуда не слѣдуетъ, что надо отказаться отъ тѣхъ положеній, которыя до сихъ поръ лежали въ основѣ развитія, отъ принциповъ традиціоннаго, отъ Маркса и Энгельса идущаго, міровоззрѣнія *интернаціонализма* и смѣнить его на скорую руку построенной новой концепціей *антинаціональнаго космополитизма*. А именно

такимъ, какъ я въ дальнѣйшемъ постараюсь подробно развить — антинаціональнымъ космополитизмомъ и является слагающаяся въ настоящее время для потребностей русской демократіи идеологія лѣваго сдвига.

Намъ предстоитъ, такимъ образомъ, взять въ фокусъ нашей работы именно эту чрезвычайно интересную и симптоматическую идеологію и ее разобрать, какъ въ ея теоретическихъ предпосылкахъ и въ необходимо изъ нихъ вытекающихъ практическихъ выводахъ, такъ и въ ея боевой—полемиической дѣятельности, въ ея отношеніяхъ къ той марксистской концепціи интернаціонализма, которая не вызвала до сихъ поръ никакихъ сомнѣній въ средѣ демократіи. Въ борьбѣ новой идеологіи и интернаціонализма сосредоточень — мнѣ думается—весь смыслъ современнаго идейнаго броженія демократіи въ Россіи.

Прежде, однако, чѣмъ знакомить читателя съ этой новой идеологіей еще два предварительныхъ замѣчанія.

Во-первыхъ, говоря объ идеологіи лѣваго сдвига въ Россіи, я говорю о П. Б. Аксельродѣ, о Мартовѣ, и не говорю о Ленинѣ и объ его ближайшихъ соратникахъ. Не потому не говорю, чтобы сумма идей, разрабатываемыхъ въ настоящее время направлениемъ Ленина, не имѣла практическаго значенія и не входила никакой своей частью въ интересующую насъ идеологію лѣваго сдвига. Наоборотъ, я полагаю — она имѣетъ большое значеніе и составляетъ, быть можетъ, наиболѣе показательный и наиболѣе многообъщающій элементъ этой идеологіи. Весьма возможно, что она переживетъ всѣ другія идеологическія формулировки лѣваго сдвига, въ томъ случаѣ, если, несмотря на величайшія міровыя потрясенія или благодаря потрясеніямъ, Россія отсрочитъ до греческихъ календъ свою радикальную европеизацію и сохранитъ ту свою самобытность, которая

служила до сихъ поръ неизсякаемымъ источникомъ питанія большевистскихъ идей.

Я и теперь считаю наиболѣе вѣроятнымъ, что все то, что съ такою энергіей и такою затратой умственныхъ силъ развивается въ настоящее время П. Б. Аксельродомъ и нашими общими съ нимъ друзьями, послужитъ лишь тѣмъ удобреніемъ, на которомъ тѣмъ пышнѣе взойдетъ большевистскій посѣвъ, и что идеологи единственной въ своемъ родѣ, истинно-русской, заслуженной „лѣвизны“ будутъ одни триумфаторами, когда всѣмъ прочимъ современнымъ идеологамъ лѣваго сдвига будетъ не до триумфовъ, когда для нихъ наступитъ жестокое похмѣлье.

И все таки — повторяю: я не говорю о направленіи Ленина. Въ этомъ направленіи слишкомъ много примитивнаго варварства и слишкомъ давно, на мой взглядъ, оно расквиталось съ марксистскимъ міросозерцаніемъ и марксистской методологіей, чтобы стоило разбираться въ его аргументаціи тогда, когда дѣло идетъ не о традиціонной—хотя и съ марксистской видимостью—анархосиндикалистской и бланкистской сторонѣ демократическаго движенія Россіи, а о томъ, что подъ влияніемъ событій стряслось надъ дѣйствительно марксистской идеологіей, надъ тѣмъ островкомъ европеизма, который былъ заброшенъ въ непривѣтливое море идейной азіатчины...

И во-вторыхъ, я хочу съ самаго начала предупредить у читателя одно возможное недоразумѣніе. Ему можетъ представиться, что та идеологія, которую я разбираю въ настоящей работѣ, есть идеологія широкихъ лѣвыхъ круговъ европейской демократіи, что и тамъ, какъ у насъ, произошелъ подобный же сдвигъ и зацѣпилъ выдающихся дѣятелей международной демократіи, элиту марксистскаго мышленія. Многие, въ частности, думаютъ, что эта то элита и собралась въ Циммер-

вальдѣ и провозгласила въ неизвѣстномъ дотолѣ швейцарскомъ городкѣ свое новое credo. И, однако, это было бы ошибкой, ошибкой вдвойнѣ. Ибо ни Циммервальдѣ—немногія исключенія не въ счетъ—не являль собою какихъ-либо „сливокъ“ движенія, сколько-нибудь выразительныхъ его представителей, сколько-нибудь замѣтныхъ работниковъ марксистской международной мысли; ни даже на самой конференціи въ Циммервальдѣ интересующая насъ идеологія, какъ извѣстно, не выражала собою идеологію ея большинства, въ томъ числѣ не представляла идеологіи и той германской делегаціи, которая въ лицѣ Ледебурга, Гофмана и другихъ „оппозиціонеровъ“ германской партіи думала найти компромиссное рѣшеніе въ не слишкомъ удачной резолюціи этой конференціи, но отнюдь не полагала принимать идей ея русскихъ и немногихъ другихъ участниковъ—идей антинаціональнаго космополитизма.

Конечно, и европейская демократія не гарантирована отъ подобной напасти, и Каутскій, мнѣ кажется, правъ, предвидя и для германской демократіи опасность психологической реакціи противъ господства социалистическаго имперіализма. Онъ недаромъ указываетъ, что не встрѣчающая въ общественномъ мнѣніи движенія препятствій авантюра при дворахъ и въ мини-стерскихъ переднихъ будетъ неизбежно имѣть своимъ обратнымъ аналогомъ — авантюру на улицахъ. Европейская катастрофа съ ея націоналистическими отраженіями сдѣлала ощутимой такую опасность не только для германскаго, но и для всего европейскаго движенія. Однако, все же въ данный моментъ идеологія лѣваго сдвига во всемъ своемъ принципіальномъ охватѣ не имѣетъ пока что въ Европѣ другого пристанища, кромѣ развѣ незначительной группы писателей и общественныхъ дѣятелей типа Радека, Панекука, Розы Люксембургъ, т. е. той, до недавняго времени задорной, но

не авторитетной экзотики въ европейскомъ движеніи, которой Карль Каутскій вынужденъ былъ въ теченіе послѣднихъ 6—7 лѣтъ посвятить такъ много чрезвычайно поучительной полемики, экзотики, имѣющей свою резиденцію въ Бернѣ, въ бернскомъ бюро...

Я счелъ нелишнимъ дать эту бѣглую справку въ виду того, что въ русской журнальной литературѣ уже замѣчается тенденція (напр., въ „Лѣтописи“ у г. Суханова) спекулировать на незнаніи русскаго читателя и выдавать продукты истинно-русскаго творчества за достояніе обще-европейскаго ортодоксально-марксистскаго мышленія...

А теперь къ дѣлу!..

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Съ чего начать? Мнѣ кажется, по условіямъ развитія данной идеологіи, рациональнѣе всего—съ конца, а не какъ общепринято—съ начала; съ тѣхъ выводовъ и доводовъ, которыми формирующаяся точка зрѣнія ведетъ борьбу съ своими антагонистами, а не съ тѣхъ основныхъ, исходныхъ теоретическихъ предпосылокъ, которыя таятся въ тѣни этихъ выводовъ и доводовъ. Вѣдь, предпосылки еще не сведены въ одно связное цѣлое, онѣ разбросаны здѣсь и тамъ и могутъ казаться случайными высказываніями отдѣльныхъ писателей, чуть ли не индивидуальнымъ ихъ капризомъ, и только въ томъ случаѣ, если къ теоретической подоплекѣ протянутся нити отъ всего направленія практической политики, если мы фатально придемъ къ этой принципиальной основѣ, какъ къ необходимому обобщенію частныхъ конкретныхъ оцѣнокъ и взглядовъ, мы сдѣлаемъ доступной пониманію занимающую насъ идеологию во всей ея цѣлостности и во всемъ значеніи ея возможной исторической роли въ движеніи международной демократіи.

Нашъ главный оппонентъ безъ сомнѣнія правъ, что многіе „лишь частично, шагъ за шагомъ, рѣшаютъ для себя вопросы, вставшіе въ новой обстановкѣ предъ демократіей“ и что имъ (этимъ людямъ) „совершенно чуждо представленіе... о томъ, къ чему *обязываютъ* извѣстныя новыя формулы, извѣстные акты“.

Вотъ я и хочу показать, къ чему, въ самомъ дѣлѣ,

„обязываютъ“ „новыя формулы“ и новыя „акты“, къ которымъ приложилъ свою руку нашъ оппонентъ, одинъ изъ творцовъ занимающей насъ идеологіи. Я беру эти „формулы“ и „акты“ изъ одного заявленія его, направленнаго противъ извѣстныхъ московской и петроградской резолюцій интернаціоналистовъ-оборонцевъ.

И прежде всего, я, конечно, беру ту „формулу“ обвиненія, тотъ обвинительный „актъ“, который нашъ оппонентъ предъявляетъ интернаціоналистамъ-оборонцамъ.

Они-де въ своихъ резолюціяхъ (осень 1915 г.) покинули даже и ту концепцію интернаціонализма, которой придерживались раньше, и приняли голую формулу защиты страны, провозгласивъ (цитаты изъ Московской резолюціи), что: „Въ центрѣ жизни въ настоящій моментъ—защита страны и, соотвѣтственно этому, защита страны должна стать и въ центрѣ нашей текущей практической политики, какъ ея исходная предпосылка и какъ ея регулирующий принципъ“.

Они успокоились на томъ, что „защиту страны“ понимаютъ иначе, чѣмъ понимаетъ ее „буржуазія“, а на дѣлѣ—отказались отъ самостоятельной классовой политики, рекомендуя демократіи принять „политику объединившейся націи“—единую „политику обороны“.

Они тѣмъ самымъ заняли позицію, при которой демократія не существуетъ ни какъ единая—несмотря на свою раздробленность между отдѣльными государствами—международная сила, ни „какъ сила, которая достигаетъ „спасенія страны“, то есть возможнаго торжества демократическихъ принциповъ въ условіяхъ мира—или возможно меньшаго ихъ попраенія при выработкѣ этихъ условій—своими собственными средствами, исключаящими такое спасеніе одного отечества отъ грозящихъ ему опасностей, которое было бы равносильно реализаціи тѣхъ же опасностей для другого отечества“.

И это все потому, что они „капитулируют“ „передъ застывшимъ фактомъ даннаго историческаго дня, передъ распадомъ цѣлаго и прислоненіемъ отдѣльныхъ его разрушенныхъ частей къ соответствующимъ комплексамъ имперіалистскихъ силъ“, что они исходятъ изъ „преклоненія передъ фактомъ „національной опасности“ вмѣсто того, чтобы исходить изъ общей тенденціи развитія, изъ подчиненія цѣлей историческаго момента“ „основнымъ принципамъ и конечнымъ цѣлямъ движенія“.

„Если всѣ общественныя силы, по существу стояція на національной почвѣ,—говоритъ нашъ оппонентъ,—идутъ къ спасенію страны путемъ такъ называемой обороны, то классъ, по существу стоящій на этой почвѣ, видитъ въ томъ спасеніи лишь моментъ въ процессѣ достиженія конечной, „вселенской“, цѣли, а потому идетъ къ нему лишь такимъ путемъ, который въ самомъ себѣ содержитъ залогъ усиленія, а не ослабленія, внутренняго сплоченія, а не дальнѣйшаго разъединенія международной силы, являющейся призванной носителемъ этой цѣли“...

Таково обвиненіе. Но—врачу исцѣлися самъ!—въ этихъ тезисахъ нашего оппонента заключенъ богатѣйшій матеріалъ для предъявленія встрѣчнаго обвиненія къ самому прокурору.

И первое—прокуроръ, составляя обвинительный актъ, долженъ бы быть, казалось бы, освѣдомленъ и не дѣлать фактическихъ ошибокъ, и, начиная свои обвинительныя функціи, не приписывать обвиняемому дѣяній, къ которымъ тотъ не причастенъ.

Я не знаю зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, моему старому товарищу и нынѣшнему оппоненту понадобилось плести на авторовъ московской и петроградской резолюцій небылицы о томъ, что они, будто бы, отреклись отъ той точки зрѣнія интернаціонализма, на которой

стояли вначалѣ войны; и плести лишь на томъ основаніи, что въ данныхъ резолюціяхъ эта точка зрѣнія не развернута, а въ московской резолюціи—какъ мы уже знаемъ—сказано, что „въ настоящій моментъ“—читатель помнитъ, конечно, какой это былъ моментъ ранней осенью 1915 года—„въ центрѣ жизни стоитъ защита страны и, соотвѣтственно этому, защита страны должна стать и въ центрѣ нашей текущей практической политики, какъ ея исходная предпосылка и какъ ея регулирующій принципъ“.

Точно нашему оппоненту вдругъ измѣнила его память и онъ окончательно забылъ о такихъ же небылицахъ, которыя плелись на него и на меньшевиковъ вообще еще очень недавно—такъ, во время выборовъ 1912 года по поводу того, что въ меньшевистской платформѣ не развернуты были всѣ пункты, вѣнчающіе программу російской демократіи, а „центромъ“ текущаго дня, подобно тому, какъ теперь „защита страны“, поставлены были коалиціонная кампанія, достиженіе оформленной демократіей права на открытое существованіе, въ то время презрительно клеймившіяся большевиками, какъ „частичныя требованія“, какъ урѣзка программы, какъ измѣна идеаламъ демократіи. Тогда мой старый товарищъ прекрасно понималъ, что никакой измѣны здѣсь нѣтъ, что одного провозглашенія программы въ практической работѣ сегодняшняго дня недостаточно, что „исходной предпосылкой“ и „регулирующимъ принципомъ“ данной политической кампаніи не можетъ быть программа въ ея цѣломъ; ими должна стать платформа въ совокупности своихъ очередныхъ конкретныхъ лозунговъ, и только концентрація вниманія на этихъ лозунгахъ можетъ сдѣлать политику дѣйственной, можетъ дать ей мобилизующую и организующую силу.

Вотъ такой то платформой, не отрицающей ни единого пункта программы, ни единого изъ принциповъ

марксистскаго міросозерцанія, въ частности его интернаціонализма, а, наоборотъ, служащей его конкретнымъ комментариемъ, и явилось въ данномъ случаѣ положеніе о защитѣ страны. Оно не съ неба упало, не сошло къ намъ въ видѣ абсолюта, не зависящаго отъ обстоятельствъ времени и мѣста, а получено, какъ результатъ опредѣленной интернаціональной расцѣпки настоящаго момента въ исторіи, какъ слѣдствіе подсчета данной суммы плюсовъ и минусовъ.

Худо ли или хорошо—этотъ подсчетъ производился не разъ интернаціоналистами-оборонцами, и если они не включили его въ резолюцію, инкриминированную нашимъ оппонентомъ, то не потому, что они превратились со вчера на сегодня въ оборонцевъ въ духѣ буржуазной максимы, гласящей: право или не право отечество, оно мое отечество и потому защищается мною,—а по той элементарной причинѣ, что они не признавали за собой обязательства, которое имъ нашъ оппонентъ навязываетъ—танцевать непремѣнно отъ печки, начинать исторію непремѣнно съ Адама,—даже и тогда, когда дѣло идетъ объ опредѣленно-отграниченной задачѣ, когда нужно, какъ это было въ данномъ случаѣ—разработать лишь выводъ изъ принятаго уже разъ рѣшенія о защитѣ страны и опредѣлить соотвѣтственно этому свою самостоятельную и въ то же время въ извѣстномъ смыслѣ согласованную съ другими линію дѣйствія въ томъ процессѣ организаціоннаго сплоченія различныхъ классовъ и группъ, который, при благопріятныхъ условіяхъ, могъ бы стать процессомъ коренной перестройки страны, и съ этой цѣлью выдѣлить изъ себя архитектора.

Только и всего,—и негоже было нашему оппоненту вырывать отдѣльную резолюцію изъ контекста всѣхъ тѣхъ заявленій, которыми интернаціоналисты-оборонцы за время войны опредѣляли свое поведеніе.

И такъ же негоже завѣрять, что они „успокоились“ на томъ, что они иначе, чѣмъ буржуазія, „понимаютъ“ „защиту страны“, а на дѣлѣ, будто-бы, отказались отъ самостоятельной классовой политики, рекомендуя демократіи принять „политику объединившейся націи“—единую „политику обороны“. Это—опять небылица, умѣстная, быть можетъ, въ устахъ Н. Ленина или наивнаго романтика Троцкаго, но не въ устахъ того многолѣтняго нашего единомышленника, который недавно еще вмѣстѣ съ нами зналъ цѣну реализму въ новаторствѣ.

Они отказались!... Они рекомендуютъ принять!...

Однако, нашъ оппонентъ скромно умалчиваетъ, откуда это слѣдуетъ, ибо онъ не хочетъ, конечно, признаться, что это слѣдуетъ только—изъ его собственнаго горячаго желанія упростить аргументацію противника, чтобы тѣмъ легче съ нею справиться... Я готовъ допустить на моментъ, что нашъ оппонентъ можетъ отвергать защиту страны, какъ ту общую задачу, на которой—при извѣстныхъ условіяхъ—и до поры до времени—скрещиваются усилія буржуазіи съ одной стороны, демократіи—съ другой, но чего я ни въ какомъ случаѣ не допускаю, такъ это, чтобы онъ, даже и не признавая наличности подобной общей задачи, позволялъ себѣ тѣмъ, кто такую задачу себѣ ставитъ, приписывать отказъ отъ традиціонныхъ методовъ марксистской (у насъ въ Россіи меньшевистской) политики.

Вѣдь, демократія не въ первый же разъ на своемъ вѣку теперь, за время войны, встрѣчается съ вопросомъ объ осуществленіи общей съ другими классами задачи и о сохраненіи при этомъ—въ процессѣ рѣшенія задачи—своей классовой, демократической самостоятельности. Вѣдь, уже много такихъ же общихъ задачъ ею ставилось; вѣдь, напр., вся жизнь демократіи Россіи, съ тѣхъ поръ какъ демократія появилась

у рампы исторіи, проходила подъ знакомъ той общей національной исторической задачи, которая нашла себѣ такое выдающееся мѣсто въ ея—демократіи—офіціальной, російской программѣ.

Почему же бы російской демократіи, казалось бы, такой искушенной въ сохраненіи своей самостоятельности при постановкѣ кардинальной общей задачи эпохи, оказаться внезапно не умѣющей приспособить свою многолѣтнюю опытность къ разрѣшенію проблемы защиты страны? Почему именно въ данномъ случаѣ ей нужно потерять лицо, стереть свою классовую политику, раствориться въ многоводномъ резервуарѣ „объединившейся націи“?

Очевидно, только потому, что такъ требуется нашему оппоненту, что, устрашенный примѣрами германскаго Burgfrieden'a и французскаго эксперимента со вступленіемъ представителей демократіи въ министерство, онъ не можетъ уже болѣе мыслить себѣ сочетаніе разноклассовыхъ усилій въ процессѣ защиты страны иначе, какъ необходимо сливающимися, органически связанными со всѣми вопіющими грѣхами Burgfrieden'a и со всѣми возможными—мною, правда, непровѣренными, но мною охотно допускаемыми—ошибками Гэда и Самба.

Но, вѣдь, въ настоящемъ случаѣ, когда мы говоримъ о занимающихъ насъ вмѣстѣ съ нашимъ оппонентомъ резолюціяхъ російскихъ интернаціоналистовъ-оборонцевъ, грѣхи Burgfrieden'a, какъ и возможные ошибки Гэда и Самба, могли бы, казалось бы, быть оставлены безъ упоминанія. Ибо не о томъ идетъ рѣчь, хороши ли всякія формы, всѣ наличныя и мыслимыя сочетанія разноклассовыхъ силъ въ періодъ грозящей опасности. Возможно, что при тѣхъ или другихъ опредѣленныхъ формахъ отказъ демократіи отъ классовой самостоятельности явился бы ихъ трагически-неизбѣжнымъ

послѣдствіемъ и тѣмъ самымъ—зловѣщимъ предзнаменованіемъ для дальнѣйшаго развитія демократіи. Въ нашемъ случаѣ, однако, совсѣмъ не о томъ идетъ рѣчь: даже не о какомъ бы то ни было конкретномъ планѣ рѣшенія, а лишь о самыхъ общихъ основахъ задачи; поставленъ въ сущности только прелиминарный вопросъ: допустимо ли *принципіально* такое сочетаніе усилий, или всякая форма сочетанія обрекаетъ демократію на потерю ея классового лица, разъ это сочетаніе есть сочетаніе въ процессѣ защиты страны отъ внѣшней опасности?

И тогда какъ резолюціи отвѣчаютъ на вопросъ положительно, отвѣтъ нашего оппонента категорично отрицателенъ. Очевидно, дѣло защиты, по мнѣнію нашего оппонента, обладаетъ какими то особыми, специфическими свойствами, и эти свойства выдѣляютъ данную политическую задачу, общую для разныхъ классовъ страны, изъ всего ряда другихъ подобныхъ же общихъ задачъ и дѣлаютъ непримѣнимыми къ ней наши общепризнанные демократическіе принципы тактики.

Какія же это свойства?—Къ сожалѣнію, было бы напрасно искать у нашего оппонента вразумительнаго объясненія по данному поводу: онъ не столько свою мысль доказываетъ, сколько ее декретируетъ, и поэтому мы можемъ извлечь у него только косвенныя указанія, поясняющія ту его концепцію, согласно которой защита страны исключается изъ всѣхъ доступныхъ демократіи и ею правомѣрно используемыхъ родовъ сочетанія силъ.

„Мы видимъ,—пишетъ нашъ оппонентъ,—что во Франціи имѣется два пониманія обороны: пониманіе буржуазіи и пониманіе демократіи, но имѣется *одна политика обороны*, политика объединившейся націи, соответствующая первому пониманію. Эта политика лишь регистрируется въ тѣхъ или иныхъ программныхъ заявленіяхъ

министровъ; она дѣлается не въ палатѣ, и не въ прессѣ, а на полѣ брани и въ дипломатическихъ канцеляріяхъ, и ея содержаніе опредѣляется въ послѣднемъ счетѣ реальнымъ соотношеніемъ силъ на аренѣ международнаго империализма“... Есть два состязающихся другъ съ другомъ „комплекса“ империалистскихъ силъ. „Французскіе социалисты, при всемъ благородствѣ ихъ „пониманія“, безъ остатка растворяются въ одномъ изъ этихъ комплексовъ, поскольку, сотрудничая съ другими классами своей націи въ дѣлѣ обороны, они реальную силу представляемаго ими класса фактически—несмотря на иное „пониманіе“—отдаютъ къ услугамъ даннаго комплекса общественныхъ силъ. То же въ противоположномъ направленіи дѣлаютъ нѣмецкіе социалисты, равнымъ образомъ оставляя за собой свободу пониманія цѣлей обороны—свободу, равнымъ образомъ оставляемую за ними Бетманомъ-Гольвегомъ“...

Надѣюсь, я сдѣлалъ не напрасно эту длинную выписку: изъ нея совершенно недвусмысленно явствуетъ, въ чемъ *суть* непріятія нашимъ оппонентомъ—помимо непріятія имъ той цѣли, для которой это сочетаніе производится, о чемъ рѣчь будетъ дальше—непріятія и самого факта сочетанія силъ демократіи съ силами буржуазныхъ классовъ въ процессѣ отраженія внѣшней опасности.

Съ точки зрѣнія нашего оппонента—и въ этомъ и заключается эта *суть*—такого сочетанія или суммированія силъ здѣсь нѣтъ и быть его не можетъ; здѣсь нѣтъ тѣхъ слагаемыхъ, которыя своими размѣрами опредѣляли бы конечную сумму, направленіе равнодѣйствующей силъ. Нѣтъ, по той основной и всеобъясняющей причинѣ, что „политика обороны“—согласно нашему оппоненту—опредѣляется совсѣмъ не совокупностью вліяній, движеній организованныхъ и организующихся общественныхъ силъ; она—какъ выражается нашъ оппонентъ—„дѣлается“ „не въ палатѣ

и не въ прессѣ“, словомъ не на перекресткахъ различныхъ классовыхъ путей, а—„на полѣ брани и въ дипломатическихъ канцеляріяхъ“, т. е. исключительно тамъ, гдѣ работаетъ машина, находящаяся всецѣло въ рукахъ господъ положенія. Въ эту „политику“ нельзя общественно вмѣшаться, прервать или видоизмѣнить ея ходъ; смѣшно и говорить объ общественномъ воздѣйствіи на эту „политику“, а тѣмъ болѣе спорить о методахъ этого воздѣйствія. Для демократіи это—внѣшняя сила, стихія, которая дана отъединенной, нераздѣльной военно-технической организаціей господства въ странѣ или даже не ею одной, а—„реальнымъ соотношеніемъ силъ на аренѣ междунагоднаго империализма“.

Это значить,—если заглянуть подальше въ корень вещей—она дана такимъ факторомъ общественно-историческаго процесса, который можетъ соразмѣряться лишь съ факторомъ, въ своемъ масштабѣ ему равноцѣннымъ. Междунагодный катаклизмъ одной категоріи противъ междунагоднаго катаклизма другой!..

Въ такой катаклизмъ и упирается сущность „непріятія“ нашего оппонента. Онъ только не подозреваетъ при этомъ, что тѣмъ самымъ незамѣтно скатывается къ концепціи рокового безсилія демократіи; безсилія, которое, конечно, если вѣрно все то, что здѣсь было только что развито, остается безсиліемъ независимо отъ того, хочетъ ли принять демократія участіе въ „политикѣ обороны“ или она оборону en bloc отвергаетъ и сообразно этому дѣйствуетъ.

Въ первомъ случаѣ, съ точки зрѣнія данной концепціи, демократія выполняетъ мало почтенную функцію декоративной пристяжки. Во второмъ—если она пытается оперировать по методу нашего оппонента, Троцкаго, Ленина или другого кого, все равно—при всякомъ методѣ—она получить, въ конечномъ итогѣ, неизбѣжный

зіяющій нуль или еще болѣе зіяющій минусъ. Ибо ясно, конечно, что никакой антиоборонческой магъ и чародѣй не поможетъ демократіи, разъ она—какъ мы предположили—безсильна даже частично повліять въ желательномъ для нея направленіи на „политику обороны“—влиять недостающую демократіи силу: силу мірового гиганта, которая была бы нужна демократіи, чтобы покончить съ этой политикой въ ея основаніи, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она „дѣлается“, чтобы ее до конца зачеркнуть...

Къ счастью, вся концепція „политики обороны“, исходящая изъ того утвержденія, что эта политика, будто бы, „дѣлается“ „на полѣ брани и въ дипломатическихъ канцеляріяхъ“, рѣшительно ни на чемъ не основана и опровергается какъ-разъ настоящимъ опытомъ войны. Въ самомъ дѣлѣ, однимъ изъ немногихъ неоспоримыхъ и уже теперь вошедшихъ въ общее сознаніе выводовъ изъ настоящаго опыта является тотъ, что оборона въ войнѣ, какъ и война въ ея цѣломъ, неотдѣлимо связаны со всей общественной жизнью страны, что она отъ этой жизни, отъ строя этой жизни, отъ того, что въ ней происходитъ, самымъ тѣснымъ и чувствительнымъ образомъ зависитъ. Еще никогда, ни въ одну изъ предыдущихъ эпохъ исторіи, война не была въ такой степени войной не однихъ правительствъ и ихъ обмундированныхъ и сформированныхъ въ кадры частей, а войной, т. е. наивысшимъ напряженіемъ силъ всего общественнаго организма въ его полномъ охватѣ отъ самой крайней периферіи и до глубинъ сердцевины.

Теперь, вѣдь, стало трюизмомъ, что войны ведутся и рѣшаются не только, и даже не столько живою силою въ окопахъ, сколько организованнымъ тыломъ, мобилизованными матеріей и духомъ страны, процессомъ всесторонняго приспособленія общественнаго хо-

зайства, общественнаго потребленія, общественнаго вниманія, наконецъ, къ запросамъ и нуждамъ борьбы, къ тому, чтобы вырабатывалась максимальная энергія и максимальная устойчивость общественнаго цѣлаго, чтобы разрушительному дѣйствию войны могло быть противопоставлено встрѣчное дѣйствіе созиданія, чтобы организмъ, вырабатывая въ себѣ эти силы и организуя эти силы, могъ при ихъ посредствѣ возможно меньше испытывать страданій, возможно больше экономить на жертвахъ, и возможно дольше такимъ образомъ оказываться способнымъ переносить испытаніе.

На признаніи организаціи жизни страны, а стало быть, въ извѣстной мѣрѣ на признаніи организаціи общественности опредѣляющей основой, съ самаго начала построена была вся система германскаго веденія войны, и къ той же системѣ, какъ къ властной необходимости, весьма скоро пришли и Франція съ Англіей. И мы видимъ, поэтому, что во всѣхъ этихъ странахъ, какъ ни различны онѣ другъ отъ друга по своему общественно-политическому складу, одинаково быстро растутъ и забираетъ въ свои раскидистыя сѣти всѣ отрасли жизни двухстороннее инициативное движеніе строительства и регулировки: инициативное движеніе сверху изъ рядовъ официальной власти (въ Англіи оно связано въ особенности съ громкимъ именемъ Ллойдъ - Джоржа), и инициативное движеніе снизу, изъ организованной среды всевозможныхъ общественныхъ силъ.

При этомъ движеніе сверху всюду, даже и въ авторитарной германской имперіи, исходитъ изъ ясно сознаемаго имъ положенія, что оно—это движеніе сверху—плодотворно только въ тѣсномъ взаимодействіи съ движеніемъ снизу, что лишь комбинированная работа всѣхъ наличныхъ организованныхъ обществен-

ныхъ силъ можетъ увѣнчаться желаннымъ успѣхомъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ передъ нами и развертывается знаменательное зрѣлище—картина интенсивной агитаціи, ведомой во всѣхъ этихъ странахъ официальной властью среди тѣхъ общественныхъ круговъ, къ которымъ власть обычно не очень предупредительно настроена. Теперь этой власти—и стоящимъ за нею общественнымъ классамъ—надо во что бы то ни стало расположить въ свою пользу широкіе организованные и вліятельные круги населенія, передъ ними оправдать свою собственную роль въ міровой катастрофѣ, надо приобщить ихъ къ поставленнымъ цѣлямъ борьбы, надо закрѣпить за собою—на періодъ войны—ихъ согласованную съ общей задачей дѣятельность. Иначе не будетъ достигнуто то планомѣрное напряженіе, которое одно въ состояніи предупредить потрясеніе неудачи.

Пусть вспомнятъ, съ какою тревогой въ началѣ войны официальная Англія—Англія господствующихъ классовъ—поджидала выясненія общественнаго мнѣнія англійскаго рабочаго класса: что скажетъ рабочая партія? Какое рѣшеніе надумаютъ вынести профессиональные союзы—великая держава, конгрессъ трэдъ-юнионовъ? И чувствовалось, что выскажись это общественное мнѣніе дружно противъ, и вся колоссальная работа въ борьбѣ, производимая сейчасъ не только англійскимъ флотомъ и не только англійской арміей, а именно англійской націей—ея общественностью во всемъ ея цѣломъ, была бы просто невысказима, и теченіе міровой катастрофы проложило бы себѣ, безъ всякаго сомнѣнія, какое-то иное направленіе—русло, и завершилось какимъ-то довременнымъ концомъ.

И это, вѣдь, не только тогда, въ какой-либо одинъ критическій моментъ развитія событій, мы можемъ и до сихъ поръ наблюдать тотъ пристальный взоръ, съ какимъ англійскіе министры, вожди обѣихъ историче-

скихъ партій Великобританіи, слѣдятъ за отношеніемъ къ планируемымъ ими очереднымъ задачамъ, напр., къ введенію обязательной военной службы, организованнаго общественнаго мнѣнія трудового населенія страны. Какъ настороженно воспринимаютъ они тѣ конфликты, которые вспыхиваютъ тамъ и здѣсь между трудомъ и капиталомъ, и сколько энергіи, искусства и паюса тратитъ тотъ же Ллойдъ-Джорджъ на устраненіе трений.

И пусть, съ другой стороны, отдадутъ себѣ отчетъ въ томъ, чѣмъ современная воюющая Германія—опять-таки Германія господствующихъ классовъ—обязана германскому пролетариату, его политической и профессиональной организаціямъ. Вѣдь, здѣсь-то какъ разъ, въ этой странѣ, которая поразила весь міръ механизацией своего бытія, совершенствомъ, съ какимъ функционируетъ общественное тѣло государства во всѣхъ своихъ даже мельчайшихъ частяхъ, какъ эти части всѣ другъ къ другу прилажены,—именно здѣсь, говорю я, со всей силой сказалось, что вся эта прилаженность, этотъ идеальный распорядокъ, были не въ послѣдней мѣрѣ возможны потому, что германскій пролетариатъ предоставилъ въ распоряженіе процесса приспособленія общественнаго организма къ задачамъ и нуждамъ военнаго времени весь свой накопленный капиталъ организаціонныхъ навыковъ, какъ и самую дѣятельную помощь всѣхъ своихъ оформленныхъ ячеекъ. Это—фактъ, который теперь уже нельзя устранить изъ сознанія, который согласно признается всѣми наблюдателями жизни въ Германіи за время войны и неоднократно находилъ уже себѣ официальное признаніе со стороны имперскаго правительства. Не даромъ съ того самаго момента, когда вопросъ о войнѣ былъ Германіей рѣшенъ, началось систематическое обхаживаніе властью социаль-демократовъ, началось кон-

фиденціальными бесѣдами Бетманъ-Гольвега съ полномочными представителями фракціи и партіи, а совсѣмъ недавно оно было увѣнчано бьющими на опредѣленный эффектъ словами Вильгельма, имъ будто бы сказанными въ потсдамскомъ дворцѣ вождямъ социаль-демократическаго „большинства“—Шейдеману и Эберту: „социаль-демократы спасли Германію“.

Скажутъ—это мишура дипломатической лести. Я спорить не стану. Но мишура эта—показательный штрихъ въ томъ общемъ поучительномъ выводѣ, что германская социаль-демократія въ процессѣ организаціи силъ для войны, въ процессѣ ея общественнаго веденія являла и являетъ собою настолько большое слагаемое, что присутствіе этого слагаемаго въ суммѣ или отсутствіе его изъ нея можетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ видоизмѣнить всю картину процесса.

Summa summarum, резюме изъ всѣхъ этихъ свидѣтельствъ — англійскихъ, германскихъ, къ нимъ было бы нетрудно присоединить и другія—едва ли поддается перетолковыванію. Неправда, — гласитъ резюме, — вопіющая неправда, что „политика обороны“ „дѣлается“ „на полѣ брани и въ дипломатическихъ канцеляріяхъ“. Политика войны, быть можетъ, еще въ большей степени, чѣмъ политика мира, „дѣлается“ всѣмъ наличнымъ соотношеніемъ общественныхъ величинъ, и величайшее заблужденіе думать, что сила, приобрѣтенная демократіей въ мирное время, должна неизбѣжно превращаться въ безсиліе, какъ только пробьетъ чрезвычайный часъ катастрофы и наступитъ боевая страда.

Скорѣе напротивъ: представители организаціи господства, даже и въ томъ случаѣ, когда они представляютъ собою не ничтожное меньшинство населенія, а объединяютъ его большинство, въ катастрофическіе періоды, подобные настоящему, и разумѣется при раз-

витомъ—необходимо прибавить—состояніи общественной самодѣятельности, вынуждены въ гораздо большей степени считаться съ оппозиціей, разъ только эта оппозиція оформлена и дѣйствена, съ оппозиціей хотя бы и меньшинства, чѣмъ это они дѣлаютъ въ обычное время. Вынуждаются по тѣмъ весьма понятнымъ соображеніямъ, что періоды такихъ катастрофъ предполагаютъ для осуществленія поставленныхъ ими себѣ цѣлей сверхсмѣтное напряженіе силъ, повышенную согласованность дѣйствія частей, и что активное несочувствіе даже сравнительно не очень большого меньшинства можетъ лечь весьма ощутительной тяжестью на вѣсы рѣшенія вопроса и перетянуть въ одну сторону колебанія ихъ коромысла.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Къ сожалѣнію, эта сущность положенія, создаваемого въ условіяхъ настоящаго времени катастрофами, очень плохо сознается и еще хуже утилизируется тѣми, кто были бы обязаны его утилизировать не въ частныхъ выгодахъ отдѣльныхъ группъ демократіи, а въ общихъ интересахъ всего міроваго развитія. Сознаніе демократіи, бывшее и до того очень мало подготовленнымъ къ подобной утилизациі, въ настоящее время къ тому же придавлено вдвойнѣ. Оно придавлено и тѣмъ, что демократія не смогла предотвратить катастрофу, и тѣмъ, что вмѣсто того, чтобы демократіи овладѣть катастрофой, катастрофа овладѣла демократіей: разорвала ея международныя связи, помутнила ея сознаніе и, показавъ, съ одной стороны, всю блѣдность ея интернаціонализма, выявила яркость ея національной окраски—съ другой, окраски, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ переходитъ въ явственный цвѣтъ имперіализма.

Драматизмъ переживанія отвлекъ на себя вниманіе демократіи и не далъ ей сосредоточиться на тѣхъ особенностяхъ новой, порожденной катастрофой, обстановки, которыя открываютъ демократіи новыя возможности и позволяютъ ей слѣдовать приемамъ во врачеваніи болѣзни, уже давно медициной испытаннымъ: находить противоядіе въ ядѣ, въ самой болѣзни—тѣ силы, которыя помогаютъ съ ней справиться. Такою-то силой въ войнѣ и является та сила организаціи

жизни—организаціи общественности, которая—какъ я раньше уже говорилъ—вызывается потребностью національно-государственнаго самосохраненія въ условіяхъ современнаго типа войны, но которая можетъ при надобности стать не только средствомъ, стимулирующимъ „ударное“ движеніе механизма, но и регулирующимъ такое движеніе. Эта сила можетъ оказаться той скромной, но многозначущей, чувствительной кнопкой, которая, будучи нажата, способна не дать движенію развиваться до своего стихійнаго конца, способна предупредить ненужную трату энергіи, остановить работу механизма тогда, когда эта работа вступаетъ въ конфликтъ съ извѣстными желаніями и планами.

Если же, дѣйствительно, такова въ современныхъ катастрофахъ эта необходимая сила взаимнаго сцѣпленія частей, координаціи общественныхъ элементовъ, то—казалось бы—самоочевидно, что демократіи, особенно тамъ, гдѣ демократія не съ пустыми руками вступаетъ въ полосу катастрофы, а уже съ накопленной энергіей организаціи и борьбы, именно демократіи слѣдуетъ вмѣшаться въ самую гущу процесса, подсказаннаго инстинктомъ общественнаго самосохраненія. Ибо, чѣмъ больше демократія въ данномъ процессѣ сумѣетъ закрѣпить свое общественное значеніе, чѣмъ больше она развернетъ и протянетъ собственную организаціонную нить въ сѣти разноклассовыхъ нитей, тѣмъ больше она будетъ имѣть возможностей—черезъ это свое значеніе въ общеорганизаціонномъ процессѣ—оказывать давленіе на развитіе событій, преслѣдовать свои собственныя цѣли, осуществлять свою собственную самостоятельную политику.

И нужно поистинѣ—употребляя выраженіе нашего оппонента „капитулировать“ „передъ застывшимъ фактомъ даннаго историческаго дня“, чтобы изъ-за деревьевъ не видѣть лѣса, изъ-за грѣховъ или ошибокъ германской

и французской демократіи не различать въ условіяхъ катастрофическаго времени раскрытой возможности примѣненія традиціоннаго марксистскаго метода реализаціи коллективной демократической воли не путемъ бойкота—безсильнаго и обезсиливающаго, а путемъ того гибкаго и активнаго вмѣшательства, которое черезъ постоянное упражненіе и организацію силъ достигаетъ желаннаго успѣха.

Путь вмѣшательства—что и говорить—не торцовая гладь какого-нибудь Невскаго проспекта; это путь, усѣянный рывтинами трудностей, иногда трагическихъ противорѣчій,—проблема, которая еще ждетъ своего разработаннаго рѣшенія, точнѣе говоря—которая включаетъ въ себя не одно абстрактное рѣшеніе, а много конкретныхъ, въ зависимости отъ конкретныхъ обстоятельствъ мѣста и времени. Но это,—надо себѣ съ самаго же начала осознать—въ то же время и единственный путь къ преодолѣнію какъ разъ тѣхъ самыхъ опасностей, которыя представляются многимъ—въ томъ числѣ и теперешнему нашему оппоненту—присущими этому пути, а на самомъ дѣлѣ, присущи не ему, а той атмосферѣ общенациональнаго, разноклассоваго движенія, въ которую попадаетъ—хочетъ она того или нѣтъ—демократія огромнаго большинства воюющихъ странъ, если только война не является почему-либо въ данной странѣ нарочито непопулярной. Вотъ эта то атмосфера и имѣетъ, безъ всякаго сомнѣнія, своей непремѣнной тенденціей посягательства двоякаго рода.

Во первыхъ, подъ знаменемъ соціального мира вмѣсто соціальной борьбы она посягаетъ на классовую индивидуальность и классовые интересы демократіи, пытаясь свести на-нѣтъ демократическую активность въ отстаиваніи этой индивидуальности и этихъ интересовъ, и обезсилить ее всеобщей „національной“ нивелировкой, подведеніемъ демократіи подъ одинъ иде-

ологическій ранжиръ, который есть ранжиръ господствующихъ классовъ.

Во вторыхъ, стремясь сдѣлать общеобязательными интересы національнаго развитія, превращая ихъ въ своего рода фетишъ, въ мѣрило вещей, въ критерій добра и зла, она посягаетъ тѣмъ самымъ на высшій критерій демократіи—на интересы международнаго развитія, какъ и на тѣ представленія о злѣ и добрѣ, которыя слагаются въ свѣтѣ такого развитія.

Съ этой двойкой опасностью демократіи надо энергично и упорно бороться, но въ томъ то и дѣло, что успѣшно бороться можно только въ томъ случаѣ, если не отвергать à limine тѣхъ специальныхъ задачъ, которыя демократіи повелительно диктуются сложной и многогранной конъюнктурой военнаго времени и связаннмъ съ нею процессомъ разноклассовой мобилизаціи, а наоборотъ—ихъ брать на себя, не опасаясь ихъ тяготы. Все равно, бойкотъ не упраздняетъ задачъ изъ жизни, онъ только предоставляетъ ихъ волѣ судьбы, слѣпому произволу стихіи или соизволенію господствующихъ классовъ.

Наоборотъ, пріобщаясь къ рѣшенію этихъ задачъ, демократія вырываетъ ихъ изъ власти чуждыхъ ей силъ, изъ ихъ безраздѣльнаго господства, чтобы добиться рѣшенія, максимально близкаго къ тому, которое вызывается требованіями демократическаго развитія. При этомъ она не вовлекается, какъ стихійная масса въ водоворотъ общенациональнаго движенія для защиты страны, нѣтъ,—она входитъ въ него, какъ сознательный членъ-участникъ, и именно въ своемъ качествѣ члена-участника, т. е. одной изъ дѣйствующихъ и въ своемъ дѣйствіи почерпающихъ силу элементовъ движенія пріобрѣтаетъ возможность регулировать свою классовую борьбу, всю ближайшую программу своего политическаго дѣйствія, не такъ, какъ

это хотѣлось бы другимъ—буржуазнымъ участникамъ того же движенія, а лишь въ мѣру того, какъ это указывается крайней необходимостью той общей задачи, которая и ею—демократіей—приемлется.

Такимъ образомъ, намѣчается линия совсѣмъ не соціального мира, и не хаотическихъ вспышекъ непосредственнаго чувства классового возмущенія, а сосредоточеннаго и выдержаннаго классового сознанія,—система дѣйствій, мѣняющихся въ своемъ характерѣ и въ своемъ направленіи сообразно тому, какъ мѣняется конкретная среда, та комбинація общественныхъ силъ, въ которой демократіи приходится дѣйствовать. Здѣсь нѣтъ и не можетъ быть трафарета, здѣсь такъ же разнообразны практическіе выводы и методы достиженія цѣлей демократіей, какъ разнообразны условія, въ которыя демократія поставлена исторической обстановкой и развитіемъ катастрофическихъ событій,—скажемъ, съ одной стороны, въ Бельгіи, съ другой—въ одной полувосточной странѣ, на Бельгію совсѣмъ не похожей. Эти двѣ полярныя противоположности являютъ собою какъ бы два предѣла, между которыми свободно размѣщаются все варіаціи акта правомѣрной защиты страны.

Въ одномъ случаѣ передъ нами образчикъ чрезвычайнаго упрощенія задачи комбинированнаго дѣйствія всѣхъ наличныхъ группировокъ даннаго общественнаго цѣлаго, включая и его быстро реорганизованное правительство: молніеносное вторженіе непріятели и послѣдовавшая затѣмъ оккупация страны не оставили мѣста для какой бы то ни было другой общественно-политической дѣятельности; они всѣхъ гражданъ, какъ появившихъ подъ власть непріятели, такъ и тѣхъ, которые превратились въ эмигрантовъ, сгруппировали вокругъ единственнаго національно-политическаго центра, вокругъ подъ ружьемъ стоящаго лагеря. Въ та-

кихъ чрезвычайныхъ условіяхъ противорѣчія классовъ, естественно, притуплены, они могутъ сказаться лишь неразвернуто-эмбрионально, и вся масса экстерриториальныхъ бельгийцевъ,—какъ и бельгийцевъ на терри- торіи Бельгіи—находится во власти непосредственной борьбы, борьбы, въ которой и цѣль, ограниченная рам- ками освобожденія страны отъ непріятели, принимаемая всѣмъ населеніемъ безъ различія классовъ, не заклю- чаетъ въ себѣ источника для разъединенія...

Въ другомъ—полярно ему противоположномъ слу- чаѣ—правомѣрная защита, наоборотъ, осложняется разъединеніями всякаго рода: разъединеніями, которыя ни мало не ослаблены моментомъ защиты страны, ко- торыя въ этомъ моментѣ обрѣли только новую форму и дополнительное, сверхъ обычной нормы, содержаніе. Эти разъединенія при всемъ ихъ многообразіи можно распредѣлить на двѣ основныя категоріи: на разъеди- ненія по вопросу о *направленіи*—*цѣли* ведомой борьбы и на разъединенія по вопросу о *характерѣ* веденія этой борьбы, о томъ, кому и какъ ее вести, быть ли ей монопольнымъ владѣніемъ традиціонной администра- тивно-технической организаціи, или же стать достоя- ніемъ всей самодѣтельно-организующейся и въ этомъ процессѣ организаціи находящей свое обновленіе общественности. Въ свою очередь эти основныя кате- горіи дробятся на дальнѣйшія. Такъ, сторонники необ- ходимости общественнаго метода осуществленія задачи по существу стоятъ совсѣмъ не за одну и ту же обще- ственность, ибо въ то время какъ однимъ обществен- ность рисуется цензовой, для другихъ она является дѣломъ всенароднымъ. И далѣе линіи расходятся въ вопросѣ, въ какой мѣрѣ допустимо добиваться реали- заціи этой общественности и существуетъ ли какъ внѣ очереди первая, какъ неустранимое условіе для рѣше-

нія всѣхъ прочихъ проблемъ, проблема всемѣрнаго удаленія препятствій на этомъ пути.

Въ данномъ случаѣ нельзя ожидать чего-либо, хотя бы отдаленно похожаго на бельгійскую относительную слитность; здѣсь общность задачи предполагаетъ координацію условій, но координацію, идущую рядомъ съ выявленіемъ каждымъ участникомъ всей полноты его заданій; здѣсь центральная общая задача практически разбилась на рядъ предварительныхъ, или задачъ ей сопутствующихъ, съ различнымъ отношеніемъ къ этимъ задачамъ дѣйствующихъ силъ, и болѣе или менѣе успѣшное выполненіе центральной задачи предполагаетъ еще опредѣленное соразмѣреніе тѣхъ силъ, которыя выполняютъ ее; имъ необходимо еще другъ съ другомъ помѣряться, чтобы установить направленіе своей равнодѣйствующей. И я бы даже сказалъ—осуществленіе вообще центральной задачи здѣсь иначе не можетъ идти, какъ черезъ постоянное взаимное перетягиваніе къ себѣ равнодѣйствующей отдѣльными силами; черезъ повторное хроническое ея выравниваніе въ процессѣ рѣшенія общей задачи. Это выравниваніе, словъ нѣтъ, мучительно, какъ только въ мукахъ можетъ родиться и весь плодъ этихъ по необходимости общихъ усилій, но вѣдь внутреннія противорѣчія этихъ общихъ усилій не надуманы, не подсунуты злой волей участниковъ, они—закономѣрный продуктъ того различія въ самомъ подходѣ къ общей задачѣ, которое есть слѣдствіе различія въ классовыхъ индивидуальностяхъ участниковъ, и которое потому такъ особенно остро даетъ здѣсь себя знать, что въ данномъ случаѣ „внѣшняя“ задача, какъ нигдѣ, непосредственно спаяна съ непомѣрно большой задачей внутренней.

Здѣсь, поэтому, требуется огромное преодоленіе, чтобы отыскать сколько-нибудь дѣйственный выходъ изъ положенія, и не приходится слишкомъ удивляться

тому, что „выходъ“, который до сихъ поръ практикуется въ текущей дѣйствительности, не дѣйствененъ, что въ настоящихъ условіяхъ мы имѣемъ пока что лишь академическую схему, возможную, предуказанную, которой слѣдуетъ быть, но которой, однако же, нѣтъ, которая еще не начертана въ жизни, ибо жизнь—на фонѣ, особенностей даннаго національнаго развитія—даетъ до сихъ поръ не отвѣтъ на проблему, а безответность, демонстрируетъ своего рода провалъ на экзаменѣ исторіи въ видѣ роковой всеобщей пассивности, какъ своего рода „мене, текель, фаресъ“—для данной общественности.

Но отвѣтъ на проблему тѣмъ не менѣе содержится въ самой комбинаціи данныхъ общественныхъ силъ; эта комбинація не является по существу неразрѣшимой задачей, какой то „квadrатурой круга“ развитія, и стоитъ только неустойчивому равновѣсію нарушиться и двойному застою общественности—наслѣдственному и благопріобрѣтенному въ условіяхъ современнаго капиталистическаго развитія—смѣниться, въ силу того или другого толчка, движеніемъ, чтобы это движеніе было принуждено, поставивъ передъ собой эту схему, превратить ее въ плоть и кровь реальной работы, если только, разумѣется, оно не захочетъ исчерпать себя въ бессознательности конвульсивныхъ метаній, если только оно сможетъ хотя бы сколько-нибудь себя рационализировать.

Во всякомъ случаѣ, въ настоящемъ примѣрѣ съ антиподомъ бельгійской комбинаціи трудность планомѣрнаго демократическаго дѣйствія, въ предѣлахъ общей задачи—защиты страны, заключается совсѣмъ не въ томъ, что этому дѣйствію грозитъ въ чемъ-либо опасность потерять свою классовую самостоятельность, а скорѣе—въ обратномъ, что классовая самостоятельность рискуетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, гипертро-

фируясь, превратиться въ элементарную классовую центробѣжность, въ неумѣнны демократіи, соотвѣтствующее общему неумѣнью всѣхъ классовъ и группъ населенія, примирять классовую самостоятельность, соблюденіе своихъ основныхъ интересовъ, съ комбинированностью дѣятельности въ опредѣленно очерченныхъ рамкахъ, съ искусствомъ дѣйствительно суммировать взаимныя усилія для достиженія поставленной цѣли, а не исключительно довольствоваться усердной взаимной нейтрализаціей другъ друга.

Иначе говоря,—эта трудность не есть специальная трудность, вытекающая изъ особенностей настоящей общей задачи—защиты страны; она лишь отраженіе той трудности, которая въ данной странѣ повторяется вѣчно, которая встаетъ при каждомъ комбинированномъ дѣйствіи демократіи съ другими слоями населенія, той трудности, которую, казалось бы, такъ нетрудно преодолѣть въ теоріи, но передъ которой на практикѣ неизмѣнно всякій разъ паскуетъ общественность. Настоящая же общая задача въ этомъ отношеніи, напротивъ того, сравнительно совсѣмъ не трудна, являя собою весьма благодарный матеріалъ для того, чтобы на ней демократія могла утвердить и развить въ комбинированномъ дѣйствіи свою самостоятельность, свою незамѣнимую историческую роль, о которой она всегда такъ много говорила въ своихъ принципиальныхъ заявленіяхъ и которая сейчасъ—въ переживаемый нами историческій моментъ—приобрѣтаетъ такую жгучую актуальность, именно въ процессѣ реализаціи всѣмъ необходимой, такой остро ощущаемой задачи, какъ задача защиты страны. И только выполнивъ эту свою роль, только сливая два процесса общественной жизни, одинаково важныхъ для самосохраненія страны и тѣмъ ихъ взаимно усиливая, демократія могла бы, дѣйствительно, съ несравненно большимъ успѣхомъ,

чѣмъ тотъ, который обычно выпадалъ на ея долю въ комбинированномъ дѣйствіи, преодолѣть сопротивленіе другихъ элементовъ, ихъ инерцію, ихъ предубѣжденія, ихъ классовую ограниченность, и побудить пойти вмѣстѣ съ собой въ осуществленіи своей завѣтной, „національной“ мечты, которая превратилась бы теперь въ рѣшеніе великой двуединой задачи...

Такъ мыслится нами это демократическое участіе въ защитѣ страны въ томъ, противоположномъ бельгійскому, случаѣ, когда оно еще сверхсмѣтно отягчено, какъ нигдѣ, огромною тяжестью національной задачи, когда къ внѣшнему преодолѣнію присоединяется еще преодолѣніе внутреннее, какъ его необходимая предпосылка. Но мы нарочно, набрасывая контуры демократическаго дѣйствія, не ввели въ нашъ кругъ разсмотрѣнія другого порядка разъединяющихъ моментовъ въ общей задачѣ, мы намѣренно не говорили о томъ, что разъединяетъ участниковъ въ самомъ содержаніи этой задачи, въ томъ, что мы назвали цѣлью ея, что мы можемъ опредѣлить, какъ ея намѣчаемый предѣлъ.

Конечно, демократія намѣчаетъ предѣлъ не такъ, какъ его намѣчаютъ рулевые государственнаго корабля, какъ его чертитъ себѣ и различныхъ видовъ буржуазія. Какъ же быть демократіи, чтобы не стать участницей въ томъ, что она не пріемлетъ въ общей задачѣ, и не очутится ли наша демократія при этомъ, несмотря на свое доброе желаніе, обреченной обязательно нарушить границы, ею себѣ поставленныя. Можетъ быть, именно здѣсь торжествуетъ точка зрѣнія нашего оппонента, и всякій, кто „принялъ“ войну хотя бы въ одной ея точкѣ, принялъ ее во всемъ ея объемѣ, и разъ произнесши а, проговорить и всѣ прочія буквы, доскажетъ алфавитъ до конца?..

За нами, конечно, отвѣтъ на этотъ серьезный вопросъ, и отвѣтъ не замедлить. Но и отвѣтъ, и во-

прось—это надо себѣ ясно сказать—уже не представляють той темы, которая занимала насъ въ нашемъ „полярномъ“, если угодно—экзотическомъ случаѣ, разбивавшемся нами постольку, поскольку его индивидуальныя особенности, его обремененность проблемою внутренней, могли отразиться на характерѣ демократическаго участія въ общей „внѣшней“ задачѣ.

До сихъ поръ мы оперировали съ двумя исключениями—бельгійскимъ и этимъ. Мы имѣли, съ одной стороны, неповторяемую слитность, съ другой—въ такихъ размѣрахъ не имѣющую равной себѣ отягченность дополнительной „внутренней“ работой. Теперь мы переходимъ къ тому, что составляетъ обще-европейскія скобки: не исключеніе, а правило. Внимательно взглядѣвши въ эти скобки, мы получимъ, надѣюсь, и отвѣтъ на только что поставленный вопросъ.

И первое, что слѣдуетъ признать въ этихъ скобкахъ, какъ ихъ неоспоримую наличность, какъ то, что подтверждено тяжелымъ урокомъ почти двухлѣтняго опыта, такъ это, что жизнь въ исключительныхъ условіяхъ міроваго конфликта—подъ гнетомъ общей задачи—совсѣмъ не аннулируетъ развитія классовыхъ противорѣчій,—она только вгоняетъ развитіе въ особое русло, установивъ непосредственную связь противорѣчій съ новымъ, временнымъ фокусомъ жизни—съ общей защитной задачей, и тѣмъ заставляетъ демократію слѣдовать руслу и соотвѣтственно мѣняющемуся его направленію мѣнять и свое дѣйствіе, свои приемы и средства.

На одномъ и томъ же пути къ поставленной себѣ демократіей цѣли ей приходится безконечно варьировать способы осуществленія цѣли—не только отъ страны къ странѣ, отъ одной комбинаціи общественныхъ силъ къ другой, но и въ предѣлахъ данной страны, въ рамкахъ незавершеннаго еще процесса

защиты. А между тѣмъ этотъ процессъ совершенно ошибочно почему-то принимается многими за одинъ сплошной недѣлимый моментъ, предписывающій такую же сплошную недѣлимую тактику вплоть до тѣхъ поръ, пока этотъ моментъ не исчерпаетъ себя до конца.

И въ связи съ этимъ создается иллюзія чего-то вродѣ универсальной для всѣхъ странъ въ періоды защиты и на все время защиты, и даже на все время войны, опредѣленной демократической линіи дѣйствія. Ужъ если голосованіе за бюджетъ, такъ голосованіе непременно всегда и вездѣ; ужъ если вхожденіе въ министерство, такъ вхожденіе при всякихъ условіяхъ, каждый разъ, когда двери министерства открыты, когда только въ министерство пускаютъ. Какъ-будто фактъ защиты уже самъ по себѣ опредѣляетъ всю норму поведения общественныхъ силъ, въ частности—поведеніе демократіи страны. Какъ-будто оно не нормируется гораздо болѣе сложной совокупностью условій, въ которую моментъ защиты входитъ, разумѣется, важнымъ, но отнюдь не всеразрѣшающимъ факторомъ.

Конечно, каждая страна—на разстояніи даже одного процесса защиты—можетъ попасть въ положеніе, похожее на то, въ которомъ сразу, съ начала настоящей войны, оказалась слабосильная Бельгія. Тогда—что и говорить—жизнь поставлена вверхъ дномъ, всѣ классы населенія сбиты катастрофой въ одну обороняющуюся кучу, и моментъ непосредственной борьбы—борьбы за элементарное существованіе—вытѣсняетъ, какъ мнѣ уже пришлось говорить, всѣ остальные моменты общестственности, стираетъ различія, нивеллируетъ, упраздняетъ общественно-политическую жизнь въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

Но то, что для Бельгіи стало хронической болѣзью, то для большинства другихъ воюющихъ и обороняю-

щихся странъ далеко не постоянное состояніе, а либо преходящій пароксизмъ, либо катастрофическая развязка; оно чаще овладѣваетъ непосредственно въ грубомъ, физическомъ смыслѣ, только отдѣльными областями страны, и потому даже, какъ острый пароксизмъ, какъ развязка, неспособно зажать въ свои мертвящіе тиски всю общественно-политическую жизнь, какъ зажата теперь въ велико-державныхъ объятіяхъ общественно-политическая жизнь миниатюрнаго нейтральнаго государства.

Если же взять эти страны въ періодъ защитной борьбы на всемъ протяженіи даннаго періода, если разсматривать картину въ ея цѣломъ, то окажется, что жизнь—и подѣ дамокловымъ мечомъ нависшей надъ всѣми опасности—есть все же не болѣе, какъ продолженіе той жизни, которую страна вела и до наступленія войны, жизни, съ ея основными противорѣчіями, столкновеніями интересовъ, взаимоотношеніями власти и общественныхъ силъ и отношеніемъ общественныхъ силъ другъ къ другу. Правда, эта нависшая надъ всѣми опасность требуетъ общихъ усилій, ставитъ задачу, въ которой заинтересованы всѣ, и эта задача, естественно, вноситъ извѣстныя передвижки, перемѣщенія въ группировку общественныхъ силъ. Но то, что опредѣляется всѣмъ предыдущимъ развитіемъ—индивидуализація общественныхъ силъ, основное и типичное въ современной общественности, остается и при наличности общей задачи нетронутымъ; мало того, эта индивидуализація неудержимо врывается въ общую задачу и создаетъ въ ней то своеобразное положеніе, при которомъ каждая изъ дѣйствующихъ силъ не только кладетъ свои жертвы на общій алтарь, но и стремится жертвоприношеніе сочетать съ основными интересами и цѣлями своей индивидуальности.

Соотвѣтственно этому совершенно въ порядкѣ вещей, что демократіи невозможно ни на одно мгновенье упустить изъ своего кругозора индивидуалистическихъ дѣйствій всѣхъ прочихъ классовъ и группъ; ей приходится не только, защищаясь, биться съ „внѣшнимъ“ врагомъ, но и отбиваться отъ всего того „внутренняго“, что грозитъ ущербомъ ея индивидуальности, что готово посягнуть на ея интересы и цѣли отнюдь не потому, что такъ дѣйствительно требуется общей задачей, а потому, что подъ флагомъ общей задачи удобно провозить контрабанду задачъ специальныхъ и подъ благороднымъ предлогомъ защиты своего національнаго планировать такія предпріятія противъ другихъ, которыя не заключаютъ въ себѣ ничего общаго ни съ защитой, ни съ благородствомъ.

Правда, въ любой изъ европейскихъ странъ нѣтъ того „внутренняго“, которое, какъ въ нашемъ экзотическомъ случаѣ, являлось бы воистину національнымъ препятствіемъ для осуществленія всей очередной „внѣшной“ задачи. Но, во-первыхъ; въ каждой изъ нихъ есть все же свое мѣстное „внутреннее“, своя комбинація, своя наличность господствующихъ силъ, къ противодействию которой—въ томъ или другомъ размѣрѣ, съ той или иной степенью интенсивности—приходится приноровлять демократическую практику даже и въ періодъ того національнаго подъема, который обязанъ своимъ происхожденіемъ пробудившемуся—подъ вліяніемъ всеобщей опасности—инстинкту самосохраненія; а затѣмъ — и это главное — демократія принуждена имѣть дѣло уже не въ мѣстномъ, а въ общеевропейскомъ масштабѣ съ однимъ суммарнымъ, итоговымъ выраженіемъ „внутренняго“ во всѣхъ этихъ странахъ съ очередной „внѣшной“ задачей въ томъ видѣ, какъ она разработана и принята ихъ господствующими силами, какъ она офиціально проштемпелевана тѣми,

кто представляет групповую консолидацию этих странъ.

Эта внѣшняя задача не есть внѣшняя задача демократіи, она лишь отчасти совпадаетъ со своей демократической „тезкой“: въ ней рядомъ съ тѣмъ, что демократіей пріемлется одинаково съ остальными элементами общественнаго цѣлаго, есть другое, идущее съ нею въ разрѣзъ и особенно въ разрѣзъ съ ея международной природой, съ ея представленіями о справедливости и правѣ. Естественно поэтому, что и тогда, когда еще только идетъ осуществленіе той части „внѣшней“ задачи, которая обща демократіи съ другими элементами общества, демократія положеніемъ вещей толкается не просто вариться въ общей кашѣ защиты, а, осуществляя защиту, вести свою собственную линію внѣшней политики, подготовляться и готовить общественное мнѣніе и общественныя силы къ заранѣе предвидимому (въ случаѣ успѣха) моменту, когда наступитъ переломъ и рѣшаться уже будетъ другая задача, когда рѣчь уже будетъ идти не о самозащитѣ и не о томъ, что могло бы быть принято въ программу интернаціональнаго демократическаго общенія, а лишь—объ удовлетвореніи аппетитовъ господствующихъ силъ, о реализаціи ихъ агрессивныхъ тенденцій.

И наоборотъ, совершенно неестественно предполагать, что демократія, которая бы сумѣла проявить максимальную энергію въ самозащитѣ, закрѣпитъ положеніе въ общемъ процессѣ организаціи силъ, вдругъ не сумѣла бы примѣнить, когда нужно, свой исконный испытанный пріемъ—стремительно быстро соотвѣтственно съ ходомъ событій поворота въ направленіи своихъ дѣйствій. Десятки лѣтъ по самымъ различнымъ поводамъ практиковалась демократія въ этомъ искусствѣ, памятуя слова старика Либкнехта о томъ, что тактика мѣняется въ 24 часа,—чтобы теперь почему то

внезапно потерять, въ глазахъ нашего оппонента, всю свою многолѣтнюю выучку, возвратиться въ первобытное состояніе и стать политически неграмотной. Неужели только потому, что экспансивному оппоненту, потерявшему все свое равновѣсіе ума подъ впечатлѣніемъ событій, угодно признавать въ настоящее время европейскую демократію, выдавшую, казалось бы, виды, неспособной къ тому, на что способны еще были отцы ея—сорокъ шесть лѣтъ тому назадъ.

Вѣдь, тогда, на зарѣ своей организаци и вообще сознательной жизни, во время франко-прусской войны, они могли же провести демаркаціонную линію между тѣмъ періодомъ войны, когда цезаристская Франція, по ихъ мнѣнію, нападала на объединяющуюся, находившуюся въ процессѣ становленія Германію, и тѣмъ, когда послѣ Седана и послѣдовавшаго за нимъ образованія правительства 4-го сентября, Германія Мольтке и Бисмарка громила французскую республику, въ расчетѣ на продолжительное обезкровленіе страны и отторженіе отъ Франціи Эльзаса и Лотарингіи. Въ первый періодъ они—за исключеніемъ Либкнехта и Бебеля, которые уже и тогда, въ первый періодъ, занимали по отношенію къ войнѣ позицію недовѣрчиваго нейтралитета, склонны были всячески содѣйствовать ея популярности, тогда какъ во второй—они, по мѣрѣ своихъ въ то время еще очень незначительныхъ силъ, вели кампанію ея развѣнчанія.

Правы ли они были въ своемъ поведеніи въ первый періодъ войны, это—статья особая, сейчасъ для насъ важно другое: важно только одно, что они и тогда уже, еще будучи маленькой и малоопытной партией, смогли въ разгаръ идущей войны радикально измѣнить свой политическій фронтъ, повернуться на 180 градусовъ. Почему же то, что тогда смогли сдѣлать отцы, не смогутъ сдѣлать сейчасъ ихъ дѣти и

сдѣлать—въ несравненно болѣе дѣйственной и болѣе дѣйствительной формѣ, соотвѣтственно тѣмъ несравненно болѣе значительнымъ возможностямъ, которыя заложены въ современномъ движеніи демократіи?

Почему современная демократія должна—по предвидѣнію нашего оппонента—обязательно увязнуть въ трясинѣ „самозащиты“ и не быть въ состояніи расчленивъ ножомъ своего анализа настоящую эпоху войны на соотвѣтственныя части и, взвѣсивъ все, установить надлежащій моментъ, когда кончается ея—демократіи—общая съ другими задача и начинается задача чужая, на которую демократическая честь велитъ реагировать уже совершенно иными приѣмами?..

Нашъ оппонентъ выставляетъ тотъ тезисъ, что „спасеніе“ отечества при посредствѣ обороны „равносильно реализаціи тѣхъ же опасностей для другого отечества“. И это, конечно, въ большей или меньшей степени такъ. Но нашъ оппонентъ при этомъ забываетъ прибавить, что это такъ какъ разъ въ томъ случаѣ, если демократія отсутствуетъ, если „спасеніе“, т. е. актъ предотвращенія опасности, одинаково грозящей всѣмъ классамъ и слоямъ населенія, творится внѣ всякой зависимости отъ сознательной воли, отъ организованнаго вмѣшательства демократіи. Тогда, конечно, программа политическаго дѣйствія опредѣляется только господствующими силами и не находитъ себѣ никакого предѣла, никакого ограниченія въ программѣ демократіи. Но должно ли это быть непремѣнно и во всякомъ случаѣ такъ? Мы полагаемъ, что нѣтъ, не должно, и мы видимъ залогъ, что этого можетъ и не быть, исключительно въ томъ, въ какой мѣрѣ демократія сумѣетъ и успѣетъ организовать свои силы въ періодъ, предшествующій „реализаціи опасностей для другого отечества“, въ процессѣ всеобщей мобилизаціи силъ, въ какой мѣрѣ въ горнилѣ всенароднаго движенія въ защиту страны она способна

выковать собственную форму, отлить свое собственное содержание политики.

И мы старались—всѣмъ нашимъ предыдущимъ изложеніемъ—показать, что это самостоятельное направление демократической политики неоспоримо заключено въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ—въ общеевропейскомъ масштабѣ, въ общеевропейскихъ скобкахъ—протекаетъ осуществленіе защитной задачи, разсказывается кровавая глава изъ всеобщей исторіи.

Въ условіяхъ защиты—можемъ мы резюмировать теперь наши выводы—не только не имѣется какой то *vis major*, непреоборимой, отъ насъ независящей, силы, которая заставляла бы порывать съ исконными методами демократической политики, нѣтъ—въ нихъ имѣется обильный и благодарный матеріалъ для построенія принципиально выдержанной системы политическихъ дѣйствій, совмѣщающей сохраненіе демократіей, какъ всегда, свободныхъ рукъ, независимаго положенія, послѣдовательнаго проведенія и отстаиванія собственныхъ цѣлей и плановъ, съ другой, всегдашней чертой ея политики, чертой, которой она привыкла гордиться, а именно съ тѣмъ, что она никогда не позволяла себѣ быть абсентеисткой, никогда не взидала на общенародныя несчастія съ руками, скрещенными на груди, а наоборотъ, со всѣмъ жаромъ своей демократической души бросалась въ общее дѣло, умѣя находить и въ общенародныхъ несчастіяхъ ту точку опоры, отправляясь отъ которой она могла бы развернуть программу ихъ преодоленія, общенародную, если угодно—„національную“ задачу въ томъ не націоналистическомъ смыслѣ этого слова, въ какомъ, скажемъ, въ Россіи была искони своя „національная“ задача у російской демократіи.

И если сейчасъ демократія въ практикѣ дѣйствующей самозащиты являетъ чрезвычайное отклоненіе отъ рисующагося намъ образца, если она оказалась

совѣмъ не на высотѣ положенія, то въ этомъ винить приходится не то, что она взялась за эту общую задачу, отъ которой она не имѣла ни права, ни возможности отмахиваться, а то, что она за нее плохо взялась, что она ухитрилась и то драгоцѣнное орудіе, которое давалось ей въ руки, почти безнадежно испортить.

Впрочемъ, я этимъ ни мало не хочу утверждать, чтобы манипуляція даннымъ орудіемъ была такъ проста и должна была даваться демократіи безъ какихъ либо трудностей. Я только полагаю: трудности трудностями, но не въ этихъ трудностяхъ первопричина грѣха, а во всемъ томъ предыдущемъ развитіи, характеръ котораго и обнаружился во время войны, какъ гораздо болѣе поверхностный, гораздо менѣ радикально-преобразующій психику класса, менѣ дѣлающій ее независимой отъ вліяній общей среды, чѣмъ это можно было думать до настоящаго трагическаго опыта, прилагая къ классовому движенію привычную мѣру расцѣпки и фиксируясь на его формальныхъ успѣхахъ.

А затѣмъ: я не только готовъ признать, что трудности есть, но и то, что эти трудности не разрѣшены злополучной практикой настоящаго дня, а ею еще болѣе подчеркнуты. Я только не дѣлаю того вывода, что неудачная практика устранила огуломъ, какъ несуществующій, рядъ дѣйствительно сложныхъ и запутанныхъ проблемъ практическаго примѣненія тѣхъ общихъ принциповъ тактики совмѣстнаго дѣйствія, которыя мною были выше изложены. Конечно, *Burgfrieden* достаточно ясно показалъ свою несостоятельность, и безъ того принципиально не возбуждавшую сомнѣній; но несостоятельность *Burgfrieden*'а не должна заставлять насъ выбрасывать за бортъ за одно вмѣстѣ съ нимъ и весь принципиально правомѣрный вопросъ о томъ, какъ конкретно опредѣлять допустимый предѣлъ согласованія принципа классовой самостоятельности и

классового развитія съ властными требованіями времени, охваченнаго общей и всепроникающей задачей, и да-лѣе,—какъ варьировать этотъ предѣлъ въ зависимости отъ общественно-политической конъюнктуры мѣста и времени.

Конечно, по окончаніи войны, когда весь матеріаль настоящей эпохи окажется въ распоряженіи изслѣдо-вателей, современные случаи вхожденія представителей демократіи въ министерство послужатъ, возможно, при-мѣрами того, какъ входить въ нихъ не слѣдуетъ.

Но тѣмъ рѣшительнѣе встанетъ вопросъ, какъ же все-таки быть, когда снова надвинется общая бѣда, и не поставитъ ли эта бѣда императивно дилеммы: или опять войти въ министерство, какъ въ представитель-ство всѣхъ интересовъ страны,—только войти со всѣмъ опытомъ прошлаго и съ оглядкой на него, чтобы—уже на иныхъ основаніяхъ—развернуть въ немъ свою демо-кратическую дѣятельность и дѣйствительно умѣть про-изводить демократическое давленіе, или найти другіе болѣе цѣлесообразные приемы обезпеченія за демокра-тіей всей той суммы вліянія на общую задачу и всей той суммы контроля за нею, которую демократія мо-жетъ, а стало быть—въ цѣляхъ демократическаго раз-витія—и должна проявить.

Скажу прямо: для меня здѣсь много нерѣшеннаго, и многое ждетъ еще отвѣта отъ будущаго, которое ока-жется навѣрное лучше освѣдомленнымъ, чѣмъ перегово-ренное китайскими стѣнами военнаго времени на-стоящее, въ которое намъ выпало жить...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Но пусть такъ, пусть все, что мы здѣсь говорили и правильно, пусть наша концепція демократической политики въ условіяхъ общей борьбы въ защиту страны и представляетъ самое прямое и самое безукоризненное продолженіе той линіи демократическаго дѣйствія, которая проходила черезъ все новаторски-реалистическое направленіе европейскаго движенія, черезъ нашъ „меньшевизмъ“, черезъ тотъ союзъ теоріи и практики, который въ Европѣ въ послѣднія десятилѣтія, за смертью Энгельса, лучше всего олицетворялся именами Каутскаго и Бебеля,—и однако, наша правда все же превращается въ кривду, и унаслѣдованные нами политическіе планы разлетаются, какъ предразсвѣтный туманъ, при свѣтѣ той аргументаціи, которая хранится нашимъ оппонентомъ еще въ запасѣ, какъ послѣдній и самый неотразимый изъ доводовъ. Что всѣ прочіе доводы, нами только что здѣсь разобранные—лишь *hors d'oeuvre*, ненужная роскошь аргументаціи, передъ тѣмъ фундаментальнымъ, передъ тѣмъ выдвигающимся на первый планъ рѣшающимъ доводомъ—отъ междуна-
родности!

Международность, говорятъ намъ, несовмѣстима съ принципомъ защиты страны, классовая солидарность демократій всѣхъ странъ перестаетъ существовать въ тотъ моментъ, какъ демократія той или другой страны, вовлеченной въ борьбу, беретъ со всѣмъ прочимъ населеніемъ страны за организацію обороны, чтобы

силой парировать силу и не дать восторжествовать этой силѣ.

Однако, почему это такъ, нашъ оппонентъ неслишкомъ торопится намъ растолковывать, и остается неяснымъ, такъ ли это только потому, что самоновѣйшая фаза капиталистическаго развитія—имперіализмъ придаетъ „оборонѣ“ этотъ зловредный и съ точки зрѣнія демократіи недопустимый характеръ, или это такъ и безотносительно къ данному „имперіалистскому“ моменту въ исторіи, и классовая солидарность демократій—демократическая международность—не терпитъ и вообще обороны, во всѣ періоды и фазы капиталистической цивилизаціи, всюду и всегда, гдѣ и когда только возникала такая демократія съ ея международными идеалами. Аргументація нашего оппонента въ этомъ смыслѣ двоятся. Съ одной стороны, онъ не устаетъ намъ внушать ту безспорную истину, что марксизмъ „исходной предпосылкой своего дѣйствія“ „дѣлаетъ тенденцію развитія“ историческую жизнь въ ея движеніи, а не въ застывшемъ фактѣ даннаго историческаго дня“, и укоряетъ насъ въ томъ, что мы эту безспорную истину забыли.

„Оборона,—поучаетъ насъ нашъ оппонентъ—есть опредѣленный моментъ въ сложномъ комплексѣ явленій, составляющихъ въ совокупности процессъ нынѣшняго имперіалистскаго состязанія державъ за предѣлы господства надъ міромъ“. Мы же „вырываемъ“ „этотъ моментъ изъ историческаго процесса, которымъ опредѣляется его собственная „природа“ и „рѣзко противопоставляя“ его моменту „нападенія“, „захвата“, „завоеванія“, этимъ „абстрагируемъ его отъ реального историческаго содержанія“...

А съ другой стороны, нашъ оппонентъ самъ, въ свою очередь, оперируетъ совсѣмъ не аргументами—какъ бы слѣдовало думать—отъ этого „историческаго содержанія“, отъ имперіалистской „природы“ современной обо-

роны, не позволяющей, будто бы, демократіи занимать въ оборонѣ какое либо мѣсто. Наоборотъ, онъ эту „природу“ какъ разъ то и обходитъ, онъ это „содержаніе“ какъ разъ то и замалчиваетъ, и вмѣсто того, чтобы познакомить насъ съ тѣмъ, какимъ образомъ новый фактъ жизни, по его мнѣнію, вынуждаетъ демократію къ *новизнѣ* и въ политикѣ, къ отказу отъ прежнихъ взглядовъ и методовъ, онъ—къ нашему величайшему изумленію—выбираетъ оружіемъ своей аргументаціи залежавшуюся рухлядь, неизвѣстно чему въ настоящее время обязанную экспромтомъ своего оживленія.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, онъ обвиняетъ насъ въ томъ, если помнитъ читатель, что мы, признавъ для демократіи необходимымъ и обязательнымъ при извѣстныхъ условіяхъ участіе въ защитѣ страны—заняли тѣмъ самымъ позицію, при которой демократія не существуетъ „ни какъ единая—несмотря на раздробленность между отдѣльными государствами—международная сила, ни какъ сила, которая достигаетъ „спасенія страны“... своими собственными средствами, исключаящими такое спасеніе одного отечества отъ грозящихъ ему опасностей, которое было бы равносильно реализаціи тѣхъ же опасностей для другого отечества“.

Ну, что-жь, совершенно такое же обвиненіе можно было свободно формулировать противъ идеи защиты страны и 30, и 40, и 50 лѣтъ тому назадъ, и чтобы возвѣщать ее міру, не было ни малѣйшей надобности доживать до послѣднихъ этаповъ „имперіалистскаго состязанія“, для этого было достаточно позаимствовать свои аргументы у любого анархиста стараго покроя, ну хотя бы у бывшаго голландскаго пастора Домелы Ньювенгайса, заставлявшаго о себѣ такъ много говорить и писать въ началѣ 90-хъ годовъ прошедшаго столѣтія. Одно изъ двухъ: или правъ былъ старикъ Ньювенгайсъ и кругомъ неправы всѣ ему возражавшіе,

т. е. другими словами—вся международная демократія того времени въ ея цѣломъ, или нынѣшнее непріятіе защиты необходимо обосновывать какъ то по иному, какими то другими соображеніями и мотивами, чѣмъ тѣ, которые представляютъ простой перепѣвъ мелодіи, успѣвшей и четверть вѣка назадъ набить всѣмъ оскомину.

Нашъ оппонентъ точно не хочетъ замѣчать, что обвиненіе въ томъ видѣ, какъ оно формулировано имъ по нашему адресу, есть въ своемъ существѣ обвиненіе по адресу безконечно болѣе значительному, чѣмъ нашъ: по адресу всей марксистской мысли, которой въ вопросѣ о войнѣ и защитѣ приходилось выступать и противъ широковѣщательныхъ посуловъ анархистскаго бунтарства, и противъ (у насъ въ Россіи) толстовскаго непротивленства съ его надуманной и вымученной тихостью.

И кажется, слѣдовало бы нашему оппоненту сказать—себѣ и другимъ—это прямо, безъ обиняковъ, безъ излишняго киванія на имперіализмъ. Имперіализмъ тутъ ровно не причемъ, притянуть за волосы, какъ ревизоръ марксизма. Не имперіализмъ въ аргументаціи нашего оппонента ревизуетъ новѣйшую демократическую практику съ ея роковыми тенденціями, а нашъ оппонентъ—безъ всякой связи съ этой практикой и съ имперіализмомъ—ревизуетъ исконную точку зрѣнія марксизма на вопросъ и приходитъ къ тому выводу, что она всегда была ошибочна, что она всегда была повинна отмѣнѣ.

Ибо есть имперіализмъ или нѣтъ имперіализма, живемъ ли мы въ пору капитализма послѣдней формаціи или въ эпоху первоначальнаго накопленія капитала. Но тезисъ нашего оппонента въ своей элементарной универсальности, въ своей логической общезначимости, въ своемъ вѣвременномъ качествѣ неизмѣнно гласитъ: оборона страны равносильна разрыву международной

демократической солидарности; тѣмъ, что та или другая демократія приняла участіе въ оборонѣ страны, демократія, какъ международное цѣлое, прекратила свое существованіе...

Забудемъ, однако, на время, что этотъ тезисъ нашего оппонента есть въ сущности не болѣе, какъ вышедшая изъ употребленія стертая монета давно прошедшей чеканки, и разберемъ его такъ, какъ будто передъ нами и въ самомъ дѣлѣ дѣйствионо свѣжая мысль демократическаго развитія и намъ предстоитъ совершенно новая и плодотворная работа критической расцѣпки этой мысли. Это будетъ тѣмъ болѣе умѣстно, что, вѣдь, если въ данномъ тезисѣ и нѣтъ настоящей новизны, то все же онъ властно носится въ воздухѣ нашего времени, какъ продуктъ его переживаній, какъ одно изъ его характернѣйшихъ знаменій.

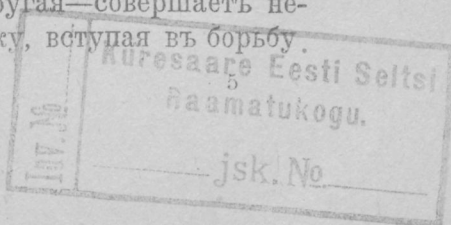
Категорія не столько логики, сколько психологіи, онъ является одновременно психологически обусловленнымъ и логически беззаконнымъ обобщеніемъ нѣкоторыхъ специфическихъ чертъ современной катастрофы демократіи. Я бы именно къ нему примѣнилъ выраженіе, такъ неудачно примѣненное нашимъ оппонентомъ къ своимъ противникамъ: его тезисъ „капитулируетъ передъ застывшимъ фактомъ настоящаго дня“. Онъ цѣликомъ замкнулся въ порочномъ кругѣ тѣхъ явленій обороны, которыя въ настоящей катастрофѣ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о совершенно зачаточномъ, эмбриональномъ состояніи демократической международнойности.

Данный контингентъ національныхъ „оборонъ“ несетъ въ себѣ, что и говорить, червоточину разрыва съ международнымъ демократическимъ единствомъ, и несетъ съ момента, когда германская демократія—гегемонъ всего предыдущаго демократическаго развитія—взяла на себя одіозный починъ „обороны“ „нападенія“ и стала защищать величайшую въ мірѣ военную дер-

жаву въ ея заранѣе обдуманной роковой антрепризѣ. Но неужели же демократическая мысль такъ-таки просто безсилна выбиться изъ этого круга явленій и не должна ли она поставить обратнаго вопроса: да мыслима ли, да возможна ли демократическая международность, которая исключала бы вовсе оборону отдѣльной страны отдѣльной демократіей и не давала бы этой оборонѣ своей санкціи, не обязана была бы это дѣлать?

Не подлежитъ сомнѣнію, не только германская „оборона“ „нападенія“, но и всякая въ разницу рѣшенная и не ищущая международного демократическаго признанія оборона есть актъ, влекущій за собой печальныя послѣдствія для демократическаго единства. Въ лучшемъ случаѣ, она можетъ служить симптомомъ того, что этого единства не существуетъ и апеллировать не къ кому,—тогда она являетъ собою печальную необходимость, какъ таковая, несущую въ самой себѣ свое печальное оправданіе; въ худшемъ—она играетъ незавидную роль прямого дезорганизатора этого единства, и во всякомъ случаѣ, она всегда таитъ въ себѣ страшную опасность, которая въ настоящей войнѣ и оказалась реальностью, опасность, что одна организованная демократія будетъ сознательно бороться противъ другой, что онѣ обѣ очутятся въ разныхъ враждующихъ лагеряхъ, и при этомъ каждая будетъ полагать себя правой.

Съ точки зрѣнія международной демократіи такое положеніе вещей нетерпимо, оно въ корнѣ подрываетъ международное единство демократическаго сознанія и демократической воли, ту единую, міровую, для всѣхъ обязательную, общечеловѣческую правду, которая не признаетъ другой какой либо правды, не допускаетъ раздвоенія—раздробленія правдъ. Если одна демократія дѣйствительно вынуждена къ этой борьбѣ опредѣленнымъ сочетаніемъ условій, то другая—совершаетъ непремѣнно преступленіе или ошибку, вступая въ борьбу.

И международная демократія не можетъ, не производя надъ собой самоубійства, передъ лицомъ этой борьбы, какъ Пилать, умыть себѣ руки и ограничиться тѣмъ, что скептически вопрошать—что есть истина? Для міровой демократіи въ цѣломъ истина есть, для нея существуютъ общеобязательныя международныя справедливость и право.

Но точно такъ же, какъ нетерпимо положеніе одновременныхъ, другъ противъ друга направленныхъ, „оборонъ“ съ активнымъ участіемъ демократій, столь же нетерпимо, если отправляться отъ той же концепціи единства мірового демократическаго сознанія, и противоположное положеніе вещей—принципіальный отказъ отъ обороны, недопущеніе къ участію въ оборонѣ отдѣльной демократіи даже и въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о смертельной опасности для данной страны, для даннаго общественнаго развитія, когда надъ данною страной совершается насиліе и необходимо напречь всю энергію, чтобы парировать это насиліе.

Отказъ международнаго демократическаго сознанія отъ санкціонированія такой обороны, или лучше—отъ побужденія къ такой оборонѣ и поддержки ея всею силой международности, былъ бы равносильнъ отказу отъ такой же борьбы въ международномъ масштабѣ за справедливость и право, за всѣхъ угнетенныхъ и противъ всѣхъ угнетателей, какую демократія каждой страны, съ тѣхъ поръ какъ сознала себя самостоятельнымъ цѣлымъ, ведетъ въ національномъ масштабѣ. Въдѣ, только такая борьба въ національномъ масштабѣ и дала демократіямъ возможность, оставаясь выраженіемъ классового движенія и представительствомъ классовыхъ интересовъ, стать въ то же время и чѣмъ то вродѣ средоточія всенародной правды, той высшей инстанціей, верховнымъ судилищемъ, у котораго ищеть

защиты все то, что—по прекрасному нѣмецкому словосочетанію—носить человѣческой обликъ. Такъ и международность можетъ превратиться изъ фикціи въ дѣйствительность и укрѣпить настоящее единство демократическаго сознанія, только въ свою очередь ставъ, но уже на сценѣ международнаго дѣйствія, трибуномъ всего человѣчества.

Стать же трибуномъ на этой сценѣ, т. е. борцомъ за поруганное право, значить не только произносить приговоры, провозглашать деклараціи, но и по возможности приводить приговоры въ исполненіе, производить соотвѣтствующія приговорамъ дѣйствія. Какое же, спрашивается, можетъ быть дѣйствіе, какъ можно конкретно предотвратить разгромъ, ослабить или отвести ударъ, посягающій на жизнь и достояніе той или другой страны, если одновременно связать демократію этой страны по рукамъ и по ногамъ, ей при этомъ внушая: не смѣй помогать защитѣ; вѣдь, во вражескомъ станѣ, въ станѣ тѣхъ, кто совершаетъ насиліе, находится та же демократія, только другой страны; ты тѣмъ самымъ поднимаешь свою руку на эту демократію; ты—защищая себя и свою страну—этимъ убиваешь международную солидарность демократій.

И говорящіе такъ не замѣчаютъ, что именно они убиваютъ своимъ разсужденіемъ солидарность, ибо худшій видъ изничтоженія солидарности есть обезсиленіе тѣхъ, кто съ нею всего больше считается, и фактическая выдача *carte blanche* произволу, оставленіе безъ отпора другихъ, которые игнорируя приговоръ международнаго общественнаго мнѣнія, такую солидарность отвергаютъ.

Если въ станѣ насильниковъ—противъ демократіи, ведущей санкціонированное международностью дѣло защиты, находится демократія, какъ организованная, себя сознающая сила, то эта демократія—хотя бы на

время—вычеркиваетъ себя тѣмъ самымъ изъ великаго демократическаго братства, и демократія, которая съ нею борется, естественно, получаетъ свободу оказывать ей все возможное сопротивленіе, не нарушая завѣтовъ солидарности, не прегрѣшая противъ единства міровой демократіи. И еще меньше сомнѣній можетъ вызывать тотъ случай, когда демократіи, защищающей правое дѣло, приходится имѣть своимъ антагонистомъ не организованную демократію съ ея представительствомъ, а только—распыленную демократическую толпу, невольно или вольно поставленную въ необходимость творить беззаконіе. Борьба съ этой толпой въ той же мѣрѣ правомѣрно, въ какой правомѣрно бороться съ погромщикомъ или усмирителемъ, хотя бы они оба завѣдомо блистали своей принадлежностью къ почетному классу демократіи. Безъ сомнѣнія, здѣсь много трагичнаго, но это тѣ трагедіи жизни, которыя не устранишь, а лишь хуже запутаешь варіантомъ толстовской морали. *Summum jus—summa injuria!* То, что кажется верхомъ справедливости, есть на самомъ дѣлѣ величайшее ея оскорбленіе!

Но,—слышу я возраженія—такъ вѣдь было бы только въ томъ случаѣ, если бы было возможно изолированно разсматривать ту или другую „оборону“, какъ „правое дѣло“, а не эпизодъ изъ главы очень длиннаго и очень сквернаго романа, вѣрнѣе—той плачевной эпопеи, которая пишется сейчасъ господствующими классами всѣхъ государствъ, въ томъ числѣ и подзащитнаго нашей демократіи. И здѣсь, какъ и всюду, правда причудливо переплетается съ кривдой, и каждая вещь имѣетъ тенденцію превращаться въ свою собственную противоположность.

Не такова ли сейчасъ обстановка эпохи, не такъ ли велика эта слитность правды и неправды, что демократія сдѣлала бы лучше, „сотворила бы благо“, „отойдя

отъ грѣха“ и не ввязываясь никакой обороной въ эту одну сплошную, непрерывную цѣпь взаимныхъ подсиживаній и обоюдныхъ ударовъ?

Въ томъ то и дѣло, однако, что и я беру оборону не изолировано; для меня она тоже эпизодъ—эпизодъ въ процессѣ современной исторіи, эпизодъ и въ томъ реакціонаніи на эту исторію со стороны демократіи, которая называется ея современной политикой. Я только не вижу основанія, какъ это дѣлають многіе, стать дуалистомъ и начать дѣлить весь міръ современныхъ общественно-политическихъ отношеній на двѣ независимыя сферы: на міръ такъ называемой внутренней политики и на міръ международныхъ отношеній, для котораго будто бы законъ не писанъ и не примѣнимы тѣ принципы, которые лежатъ искони въ основаніи всей—и не только внутренней—демократической политики...

Я знаю, конечно, какъ знаетъ это и вся демократія, что міръ господствующихъ классовъ не со вчерашняго дня являетъ картину перманентнаго хищничества. Слава Богу, на то мы и матеріалисты, которые всегда вскрывали „подоплеку“ исторіи и всегда смотрѣли на нее, какъ на механику сплетающихся и расплетающихся противорѣчивыхъ интересовъ; мы развѣнчали столько кумировъ и разбили столько иллюзій... И, однако, тѣ же самые мы—вся демократія, прошедшая черезъ школу Маркса и Энгельса—не уставали въ то же время съ величайшей энергіей оспаривать ходячее упрощенное представленіе о мірѣ господствующихъ классовъ, какъ объ однородномъ черномъ пятнѣ.

Намъ было до чрезвычайности важно показать, что это не черное пятно, не „одна реакціонная масса“—какъ любили говорить, а нѣчто очень сложное и пестрое, въ чьей сложности и пестротѣ лежитъ въ значительной степени основаніе для нашего неуклоннаго продвиженія впередъ, для возможности нашихъ частичныхъ

приобрѣтеній и успѣховъ, для завоеванія всѣхъ тѣхъ опорныхъ позицій, которыя были фундаментомъ нашего собственнаго роста, словомъ — для того, что является для насъ самымъ жизненнымъ нервомъ бытія, для возможности намъ имѣть, не какъ простую декорацію, не какъ условную ложь, а какъ могущую быть хотя бы частично реализованной нашу минимумъ-программу. Отнимите у насъ эту возможность, представьте на минуту, что въ этой „юдоли печали“, въ современномъ мірѣ общественно-политическихъ отношеній, у насъ не осталось отдѣльныхъ зацѣпокъ, нельзя на однихъ разсчитывать противъ другихъ, нѣтъ смысла выбирать, нѣтъ смѣны бѣлаго и чернаго, игры свѣта и тѣни, все одинаково скверно, все отъ лукаваго, и мы оказались бы лицомъ къ лицу безъ всякихъ посредствующихъ звеньевъ, съ освобожденной отъ промежуточныхъ задачъ нашей программой максимумъ, съ нашимъ конечнымъ идеаломъ, съ нашимъ послѣднимъ усиліемъ—въ томъ же самомъ, примѣрно, положеніи, въ какомъ всегда находились анархисты, которые, между прочимъ, вѣдь, именно потому никогда и не бывали способны превращаться въ растущее и планомѣрное цѣлое.

Но можно ли отвергать наличность однороднаго чернаго пятна для такъ называемой „внутренней“ политики—для политики внутри отдѣльнаго государства, и одновременно признавать таковую наличность—для политики внѣшней, когда тѣ же самыя разнородныя силы, выявляющіяся въ предѣлахъ одного государства, принимаются дѣйствовать за этими узкими предѣлами, слагаются въ отношенія государствъ между собой, плетутъ переплетъ международной политики?

Почему разнообразіе комбинацій среди господствующихъ силъ, гамма оттѣнковъ, скала цвѣтовъ буржуазнаго общества, являются для насъ привычными поня-

тіями, съ которыми мы оперируемъ, изъ которыхъ извлекаемъ практическіе выводы для нашей повседневной политики? почему на нихъ мы можемъ строить нерѣдко нашу тактику выборовъ, и на нихъ всегда позволяли себѣ базировать наши мечты о той „буржуазной“ перестройкѣ, которая занимаетъ такое переднее мѣсто въ программѣ россійской демократіи, еще до сихъ поръ насколько мнѣ извѣстно неотмѣненной? и почему такое же разнообразіе въ мірѣ междугосударственнаго дѣйствія нами не только не можетъ быть принято къ разсмотрѣнію и использованію, но и самая мысль о такомъ разнообразіи, какъ существующемъ фактѣ, подлежащемъ учету, уже вызываетъ сама по себѣ настоящую бурю протестовъ, какъ непозволительная ересь?

Почему, наконецъ, это разнообразіе внутри государствъ, приводящее къ возможности временно комбинировать силы демократіи съ силами тѣхъ изъ элементовъ современнаго общества, которые въ данное время совпадаютъ въ отдѣльномъ пунктѣ своего продвиженія съ нашимъ, не вызываетъ соблазна отождествлять или даже сблизать вообще позицію демократіи съ позиціей этихъ элементовъ, а когда рѣчь заходитъ о томъ, что демократія, въ силу ли общей расцѣпки направленія и качества международныхъ группировокъ, или въ силу того одного, что въ столкновеніи данныхъ группировокъ отчетливо проступаютъ моментъ нападенія и моментъ защиты, принимаетъ въ этомъ столкновеніи, въ точно очерченныхъ предѣлахъ, сторону одной изъ комбинацій, то это равносильно потерѣ своей самостоятельной демократической линіи, равносильно сліянію съ позиціей одной изъ этихъ враждующихъ группъ, принятію на себя всѣхъ ея грѣховъ, всѣхъ ея вожделѣній?

Откуда сіе? Въ всякаго сомнѣнія только оттуда—оттого, что здѣсь вступаетъ въ свои права та двойная

бухгалтерія, которая является вынужденнымъ компромиссомъ между импрессионистскимъ максимализмомъ, какъ властнымъ настроеніемъ момента, и той традиціей работы, которая слишкомъ въѣлась въ умы, чтобы позволить себя вытравить сразу изъ всѣхъ областей, на пространствѣ всей территоріи демократическаго сознанія.

И выходитъ поэтому, что тамъ, гдѣ практика демократіи наиболѣе прочно закрѣпила сознаніе за этой традиціей—въ сферѣ внутри государственнаго дѣйствія—тамъ традиція продолжаетъ еще запоздало существовать въ то самое время, когда тутъ же, рядомъ, на относительно дѣвственной почвѣ международной политики, уже идетъ ниспроверженіе старыхъ принциповъ: врывается максимализмъ, какъ губительный смерчъ, и обращаетъ сознаніе въ пустыню.

И въ результатѣ, растутъ, какъ грибы, двоевѣры: люди раздробленнаго сознанія, идейной чрезполосицы. Они путаются на каждомъ шагу въ этой чрезполосицѣ, они спотыкаются о порогъ двоевѣрія, и тѣмъ не менѣе—это они заполняютъ атмосферу момента своей психологіей и они задаютъ ему тонъ, составляя ту компактную массу бывшихъ ортодоксальныхъ Савловъ, внезапно превратившихся въ Павловъ максимализма, которая совершенно искренно перестала въ настоящее время понимать наипростѣйшія вещи, еще недавно не возбуждавшія въ ней никакого сомнѣнія.

„Оріентація“—„оборона“! Боже мой, для Савловъ марксизма это былъ бы такой же ничѣмъ не выдающійся, самъ собою разумѣющійся эпизодъ изъ внѣшней политики демократіи, какъ и та „оріентація“ во внутренней, которая по вся дни до сихъ поръ практиковалась и приводила къ эпизодическимъ поддержкамъ со стороны демократіи тѣхъ или другихъ буржуазныхъ группировокъ и къ эпизодическимъ соглашеніямъ съ ними. И никогда

бы эпизодъ подобной поддержки или временнаго соглашенія не бросаль бы тѣнь на все направленіе демократической политики, никогда не вызываль бы предположенія о томъ, что наличность такого эпизода можетъ внести коренное—принципіальное—измѣненіе въ характеръ постояннаго отношенія демократіи къ буржуазнымъ группировкамъ, стать символомъ новаго курса.

А вотъ новообращенные Павлы—тѣ готовы эпизодъ „обороны“ въ настоящемъ конфликтѣ провозгласить какъ разъ такимъ провозвѣстникомъ новаго курса. Назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ! Признала демократія оборону, стало быть—тѣмъ самымъ признала и весь аппаратъ современной борьбы государствъ, ихъ милитаризмъ, и выводъ отсюда: прежде демократія отвергала бюджетъ, теперь—она обречена на его всегдашнее принятіе!

Милые люди! Въ этомъ своемъ превосходномъ разсужденіи они забыли одну только малость: что, вѣдь, демократія до сихъ поръ въ теченіе полувѣка своего организованнаго бытія почему то всегда *отвергала* бюджетъ, и въ то же время *не отвергала*, а, наоборотъ, со всей возможной рѣшительностью и съ величайшей опредѣленностью, *принимала*, при соблюденіи и наличности извѣстныхъ условій, оборону, какъ постоянно предвидимую грустную необходимость, какъ тотъ неотвратимый тупикъ, въ который непремѣнно рискуетъ упереться существованіе каждой страны, любой національно-государственной индивидуальности. Что же? Заключение ли въ этомъ какое либо противорѣчіе? Было ли это полувѣковой непослѣдовательностью?

Нисколько, ибо, отвергая бюджетъ, какъ символъ системы, которая господствуетъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ отказывая этой системѣ и въ средствахъ, которыя могутъ пойти не только на дѣло защиты, но также и

на дѣло нападенія, какъ и на дѣло поддержанія господства въ странѣ, демократія какъ разъ въ предвидѣннй маячащаго передъ каждой страной тупика—ея вынужденной самозащиты, не уставала, все время противопоставляя, развертывать — не свою „конечную цѣль“, не пацифистскую схему, не отрицаніе обороны, какъ таковой, и не миръ во что бы то ни стало, при всякихъ условіяхъ, а свою собственную демократическую систему обороны *par excellence*, разработанный планъ милиціи, вооруженнаго народа, „*armée nouvelle*“— какъ называлъ ее Жоресъ въ своей послѣдней работѣ.

И соотвѣтственно этому „милиція“, „вооруженный народъ“ входили органической частью въ составъ ея— демократіи—программы, въ составъ программъ демократій всѣхъ странъ, въ томъ числѣ и той французской программы, которая была редактирована въ свое время (въ началѣ 80-хъ годовъ) самолично Марксомъ и Энгельсомъ. Этотъ общепризнанный пунктъ программы міровой демократіи живъ и до сихъ поръ. Его никто не помышлялъ упразднить и ни на одномъ изъ конгрессовъ не раздавалось голосовъ за изгнаніе его изъ программы ¹⁾.

Но значить ли это, что до тѣхъ поръ, пока не побѣдитъ программа демократіи и не будетъ предпочтена система вооруженнаго народа системѣ современной казармы, до тѣхъ поръ, даже если страна дѣйствительно уперлась въ тотъ самый тупикъ, изъ опасенія котораго демократія какъ разъ и строчила до сихъ поръ свои милиціонные проекты, даже и въ этомъ случаѣ демократія можетъ и должна отказаться отъ участія въ совмѣстной работѣ общественныхъ силъ, въ иска-

---

¹⁾ Другое дѣло, что онъ постепенно, по причинамъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто говорить, былъ за послѣднія 10—15 лѣтъ оттѣсненъ вопросомъ о частичномъ разоруженіи, о соглашеніи на этотъ счетъ государствъ.

ніяхъ выхода изъ тупика, въ ихъ попыткахъ спасенія страны напряженіемъ всей наличной энергіи?

Марксистская демократія, какъ я подробно и конкретно покажу въ отдѣльной исторической справкѣ, понятно, отвѣчала всегда въ томъ смыслѣ, что ей въ этихъ исключительныхъ случаяхъ не пристало дожидаться вождедѣльнаго успѣха своихъ принциповъ, что въ исторіи необходимо различать періоды органическаго развитія отъ моментовъ и періодовъ критическихъ рѣшеній.

Въ періоды органическаго развитія марксистская демократія, въ противоположность оппортунистамъ всѣхъ толковъ, видитъ всегда свою центральную задачу не столько въ отдѣльныхъ достиженіяхъ, въ ихъ размѣрѣ и числѣ, въ конкретныхъ „выгодахъ“ своего продвиженія впередъ, сколько въ укрѣпленіи сознанія и въ дальнѣйшей организаціонной консолидаціи тѣхъ массъ, которыя идутъ вмѣстѣ съ нею къ великой исторической цѣли, къ выполненію своей предначертанной роли. Выраженіемъ духа этихъ періодовъ и является тактика суммарнаго отверженія бюджета.

И совершенно другое—періоды, точнѣе, *моменты* критическихъ рѣшеній, когда дѣло идетъ совѣмъ не о пропагандистскомъ или агитаціонномъ значеніи даннаго дѣйствія, а о немедленномъ, безотлагательномъ результатѣ этого дѣйствія, когда отъ непосредственной реализаціи накопленныхъ силъ, отъ удачи или неудачи ея, зависитъ предстоящая судьба страны или народа, быть можетъ—ихъ соціально-политическое „быть или не быть“. Тогда центръ вопроса не въ томъ, какъ голосуетъ демократія, а въ томъ, какъ она распоряжается силами стоящихъ за нею элементовъ народа и какое мѣсто она—съ этой цѣлью—захватываетъ въ данной комбинаціи общественныхъ группъ, въ процессѣ даннаго соразмѣренія силъ.

Неудивительно, что въ расчетѣ на такіе моменты и Энгельсъ, и Каутскій, и марксистская демократія въ ея цѣломъ, дебатировали уже не вопросъ о голосованіи, ибо въ такіе моменты вопросъ о голосованіи становится подчиненнымъ вопросомъ и отходить на задній планъ, а вопросъ о мобилизаціи силъ демократіи и объ участіи демократіи во власти. Но вотъ моментъ критическаго рѣшенія проходитъ, наступаетъ демобилизація общественности, и демократіи опять такъ же мало, какъ и раньше, основанія мѣнять свое общее отношеніе къ наличной организаціи господства, и такъ же, какъ и раньше, имѣются всѣ основанія символизировать свое отношеніе, между прочимъ, и въ отрицательномъ вотумѣ.

Итакъ—слышу я голоса тѣхъ самыхъ „проницательныхъ читателей“, которые такъ донимали когда то Чернышевскаго и „проницательность“ которыхъ отъ его времени и до настоящаго дошла, на наше несчастіе, возведенной въ квадратъ, итакъ, впродолженіи конфликтовъ, подобныхъ тому, который сейчасъ переживаетъ Европа, *стало быть—голосованіе за бюджетъ?*

— Нѣтъ, это „стало быть“ въ такой огульной категоричности не выражаетъ того, что я намѣчалъ въ предыдущихъ строкахъ. Я совсѣмъ не говорилъ, что демократія въ моменты такихъ конфликтовъ находила всегда *обязательнымъ*,—при всякихъ условіяхъ—этотъ символическій актъ совмѣстной работы, а только, что марксистская демократія *принципіально его допускала*, какъ допускала участіе демократіи во власти вмѣстѣ съ представителями другихъ общественныхъ классовъ, не допуская такого участія въ иное, обычное время, когда странѣ не приходится балансировать на лезвіи критическихъ рѣшеній.

А принципіально допустимое голосованіе за бюджетъ далеко не всегда является конкретно оправдан-

нымъ даннымъ положеніемъ вещей, оно еще требуетъ подтвержденія отъ спеціальнаго разслѣдованія этого положенія, и опытъ настоящаго конфликта показалъ, что имѣется рядъ разнохарактерныхъ случаевъ, когда и въ моменты конфликта не можетъ быть и рѣчи о голосованіи за бюджетъ—и прежде всего тамъ, конечно, гдѣ нѣтъ совмѣстной работы по преодолѣніи опасности, гдѣ это преодолѣніе монопольно вершится за собственный страхъ одиночною силой, отдѣльною группой, не желающей даже и въ точкѣ преодолѣнія опасности соприкоснуться съ другими общественными силами и въ первую очередь—съ силами сознающей себя демократіи. Тамъ—въ такіе моменты—передъ демократіей, какъ и передъ другими общественными силами, становится задача иного порядка, какъ предпосылка преодолѣнія съ наименьшими жертвами внѣшней опасности, задача, отнюдь не символизируемая подобными бюджетными голосованіями....

ГЛАВА ПЯТАЯ.

На этомъ я могу закончить свое plaidoyer—свое слово въ защиту хулимой „обороны“ и перейти отъ обороны—къ нападенію.

Въ самомъ дѣлѣ, не все же излагать и пояснять свою собственную точку зрѣнія, пора, наконецъ, посмотреть и на точку зрѣнія противниковъ, пора предъявить имъ свой встрѣчный искъ и ребромъ поставить вопросъ: ну, а *вы*, которые судите, *вы*—обвинители, что есть у *васъ* за душой, что можете *вы* предложить въ страшный часъ огромной бѣды, когда на карту поставлены жизнь и развитіе народовъ? Судя по тому, съ какимъ великолѣпнымъ презрѣніемъ вы третируете путь обороны,—точно никогда этотъ путь не былъ тѣмъ, въ который упиралась марксистская демократическая мысль въ ея цѣломъ, по которому шли и Марксъ, и Энгельсъ, и Либкнехтъ-старикъ, и Бебель, и Каутскій, и все, что было живого и цѣннаго въ международномъ движеніи демократіи, точно путь обороны, напротивъ того, есть путь какого то незаконнаго новшества, новѣйшаго демократическаго грѣхонаденія, судя по всему, вы, очевидно, полагаете себя той избранной братіей, устами которой глаголетъ сама истина, до сихъ поръ не дававшаяся вашимъ менѣе удачливымъ предшественникамъ. Если же такъ, счастливыцы! то подѣлитесь съ нами вашимъ открытіемъ, не держите его про себя, ясно и вразумительно растолкуйте, куда намъ идти, каковъ вашъ новый, хорошій, путь, который призванъ смѣнить нашъ старый—плохой.

А что вы обрѣли этотъ путь и васъ озарилъ свѣтъ въ Дамаскѣ, непререкаемо явствуетъ изъ авторитетнаго свидѣтельства моего оппонента, которому я уже достаточно удѣлялъ вниманія, но чьи слова, говорящія объ этомъ открытіи, намѣренно приберегъ къ настоящему моменту.

Вотъ они, эти сакраментальныя слова, мною выше уже процитированныя: „Если всѣ общественныя силы, по существу стоящія на національной почвѣ,—говорить нашъ противникъ,—идутъ къ спасенію страны путемъ такъ называемой обороны, то классъ, по существу стоящій на иной почвѣ, видитъ въ этомъ спасеніи лишь моментъ въ процессѣ достиженія конечной „вселенской“ цѣли, а потому идетъ къ нему лишь такимъ путемъ, который въ самомъ себѣ содержитъ залогъ усиленія, а не ослабленія, внутренняго сплоченія, а не дальнѣйшаго разъединенія международной силы, являющейся призванной носительницей этой цѣли“.

Или, какъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ тотъ же авторъ, это—путь, на которомъ демократія „достигаетъ „спасенія страны“, т. е. возможнаго торжества демократическихъ принциповъ въ условіяхъ мира—или возможно меньшаго ихъ попоранія при выработкѣ этихъ условій—*своими собственными средствами*, исключаящими такое спасеніе одного отечества отъ грозящихъ ему опасностей, которое было бы равносильно реализаціи тѣхъ же опасностей для другого отечества“.

Если положиться на рекомендацію автора, что же—путь превосходный, гладкій, безъ сучка и задоринки, по которому демократія можетъ „собственными средствами“ докатиться до „спасенія страны“, а то—надо думать—и дальше, словомъ—это путь, вѣроятно, настолько же представляющій высшую стадію по сравненію съ исконнымъ демократическимъ путемъ „обороны“—насколько паръ и электричество, автомобили и аэро-

планы являются высшими формами передвиженія по сравненію со сданными въ музей исторіи и любителямъ старой литературы пузатымъ дилижансомъ старой Европы и нашей отечественной тройкой съ ея колокольцами.

Мы въ очарованіи ждемъ такого же прогресса и въ сферѣ общественности (не все же ему быть только въ области техники!)—прогресса въ видѣ скорѣйшаго автомобильно-аэропланнаго продвиженія этой общественности, и только досадуемъ на автора, что онъ говоритъ почему-то не ариеметически-конкретно, а алгебраически - отвлеченно, почему-то не раскрываетъ скобокъ своихъ утвержденій, почему-то не расшифровываетъ смысла своего демократическаго и международнаго пути, столь отличнаго отъ пути обороны, который титулуется имъ „національнымъ“. Онъ только бросаетъ намекъ, только даетъ предчувствовать размахъ общественнаго взлета, который насъ ждетъ, ту соціальную авіацію, которая заключается въ этомъ пути, когда онъ выводитъ на бумагѣ какъ будто совсѣмъ для марксиста обычныя слова—„своими собственными средствами“.

Спасеніе страны достигается одними собственными средствами демократіи, и притомъ непременно—въ международномъ масштабѣ. Развѣ эти слова не звучатъ почти такъ же привычно „по-марксистски“, какъ и та „самостоятельная классовая политика“, которая дѣйствительно входитъ въ святая-святыхъ марксистскаго credo? Развѣ и мы не говоримъ о „собственныхъ средствахъ“ демократіи? Развѣ и мы не выдвигаемъ на авансцену демократической политики ея международного масштаба?

Да, говоримъ, да, выдвигаемъ, но достаточно немало вдуматься въ наши старо-марксистскіе тезисы и въ тезисы модернизированнаго марксизма нашего автора, чтобы понять, что въ нихъ идетъ рѣчь о существенно-

различныхъ вещахъ: если мы говоримъ о „собственныхъ средствахъ“ демократіи въ смыслѣ ея собственныхъ демократическихъ методовъ, собственной демократической линіи дѣйствія въ международномъ охватѣ, стремясь показать, что эта демократическая линія проходитъ сквозь сложный рисунокъ взаимно-пересѣкающихся линій дѣйствія различныхъ силъ современнаго общества и сама пересѣкаетъ эти линіи, т. е. проходитъ черезъ рядъ моментовъ общаго дѣйствія, то нашъ авторъ - антагонистъ говоритъ о „собственныхъ средствахъ“ демократіи въ смыслѣ ея собственныхъ силъ. Онъ представляетъ себѣ демократію въ моментъ мірового конфлікта, не встрѣчающейся ни съ единою изъ силъ ни въ одномъ изъ узловъ общенароднаго дѣйствія, а, наоборотъ, выступающей единолично противъ всѣхъ силъ современнаго общества и противъ всѣхъ этихъ силъ осуществляющей грандіозную, циклопическую задачу — прекращенія мірового конфлікта силами одной демократіи.

Такимъ образомъ, „собственные средства“ демократіи въ этомъ контекстѣ это всего на всего только робкій псевдонимъ для весьма неробкаго дѣйствія—для того кореннаго преобразования современнаго капиталистическаго общества, которое являлось искони „конечною цѣлью“ демократическаго движенія и которое теперь подъ перомъ пристрастившагося къ социальной авіаціи автора стало ни болѣе, ни менѣе, какъ очереднымъ, злободневнымъ способомъ разрѣшенія трагическихъ противорѣчій настоящаго конфлікта.

Т. е.,—если вещи называть своими именами—чтобы спасти отдѣльную страну отъ ей угрожающей опасности, надо, стало быть, поднять всемірную бурю, произвести всеобщій „кладераддачъ“, совершить тотъ скачекъ изъ царства необходимости въ царство свободы, который предносился взору покойнаго Энгельса, какъ

финальный аккордъ всей нашей эпохи, какъ конецъ ея бытія, обусловленный всѣмъ ея предыдущимъ развитіемъ.

Вотъ и спрашивается: можно ли, не только будучи марксистомъ, но даже и просто находясь въ здоровомъ умѣ и твердой памяти, эту стихію конца брать орудіемъ разрѣшенія частныхъ задачъ настоящаго дня, хотя бы и очень значительныхъ, даже такихъ, какъ спасеніе отдѣльнаго народа, какъ защита отдѣльной государственности? Можно ли третировать за панибрата эту стихію и такъ просто вызывать—потому что намъ этого хочется—духа всемірной исторіи? Тогда почему же его не вызывали до сихъ поръ? Или въ моментъ военнаго столкновенія державъ обнаружались какіе-либо новые объективные признаки, которые свидѣтельствуютъ, что этотъ духъ сталъ въ настоящее время болѣе податливымъ, болѣе ручнымъ и явится на зовъ, какъ будочникъ на голосъ прохожаго, кричащаго: караулъ!

Но—можетъ быть—я ошибаюсь и не такъ толкую слова своего стараго товарища и теперешняго друга-врага? Или, можетъ быть, это просто только lapsus отдѣльнаго лица, индивидуальное проявленіе того состоянія ума, когда говорятъ, что человѣкъ находится не въ себѣ? Справедливо ли такое состояніе ума принимать за основу большого теченія, цѣлаго новаго направленія общественно-политической мысли?

Къ сожалѣнію, мы можемъ опереть наше мнѣніе и на болѣе авторитетное свидѣтельство, чѣмъ на статью даже и очень компетентнаго автора. Передъ нами два документа, отдѣленныхъ одинъ отъ другого нѣсколькими мѣсяцами и подписанныхъ группою лицъ—коллегіей изъ пяти человѣкъ, именующихъ себя официальнымъ учрежденіемъ извѣстнаго общественнаго теченія. Въ числѣ этихъ пяти — П. Б. Аксельродъ,

Л. Мартовъ, А. Мартыновъ... Одинъ документъ относится къ ноябрю 1915 года и носитъ названіе „Проекта платформы“, составленнаго этими лицами; другой—помѣченъ августомъ и представляетъ „Письмо къ товарищамъ въ Россіи“. Оба эти документа какъ бы дополняютъ другъ друга: ибо если одинъ даетъ общую формулировку новой концепціи, то другой—стремится на примѣрѣ жгучихъ событій прошлаго года дать конкретное приложеніе этой концепціи.

Такъ вотъ общая формулировка,—въ главѣ „Пролетаріатъ и защита отечества“—буквально гласить: „Но въ отличіе отъ буржуазныхъ классовъ, возлагающихъ на отечественный милитаризмъ и милитаризмъ союзниковъ миссію охраненія національной независимости и условій свободнаго экономическаго развитія, въ противоположность патріотамъ всѣхъ отѣнковъ, ищущихъ торжества своей національной свободы въ истребительной войнѣ съ народами непріятельскихъ государствъ,—соціалъ-демократія эту миссію возлагаетъ *исключительно* на самостоятельное движеніе международнаго пролетаріата, объединяющагося вопреки взаимному натравливанію народовъ со стороны имущихъ классовъ. *Дѣло выполненія этой миссіи пролетаріатомъ она самымъ тѣснымъ образомъ связываетъ съ его основной исторической задачей—съ задачей борьбы противъ самыхъ устоевъ капиталистическаго общества*“.

Здѣсь, кажется, ясно поставлены всѣ точки надъ і; здѣсь, кажется, съ выразительностью, не оставляющей желать ничего большаго, оттиснуть штемпель официальной коллективности на той же мысли нашего автора о стихіи конца, какъ орудіи осуществленія задачи защиты страны. Стихія конца только перифразирована въ „борьбу противъ самыхъ устоевъ капиталистическаго общества“.

Тѣмъ интереснѣе для насъ отъ этой официальной

коллективности, отъ этихъ пяти, выступающихъ не только, какъ литераторы и теоретики, но и какъ „отвѣтственные“ представители практическаго дѣйствія, получить, кромѣ формулировки общаго характера, и определенную „директиву“ для текущей политики, узнать, какъ они—эти „отвѣтственные“ планировали дѣйствовать въ тотъ дѣйствительно критическій моментъ, когда странѣ угрожало весь ужасъ разгрома, какъ они намѣревались ее спасти отъ этого разгрома, примѣняя свой рецептъ „борьбы противъ самыхъ устоевъ капиталистическаго общества“.

Въ „письмѣ къ товарищамъ въ Россіи“, во второмъ документѣ,—и прописано Россіи по данному рецепту лекарство, которое и хочется мнѣ возможно полнѣе запечатлѣть въ сознаниіи гражданъ этой страны. Пусть хранятъ въ своей благодарной памяти этотъ актъ политическаго разумѣнія, социальной предусмотрительности!

Эти граждане не забыли, конечно, чѣмъ въ августѣ прошлаго года грозила Россіи военная непогода: безостановочно шло въ теченіе всѣхъ лѣтнихъ мѣсяцевъ отступленіе войскъ, капитулировали крѣпости, отдавались города и казалось, что отступленію не будетъ конца и края, и что вторженіе австро-германскихъ армій проникнетъ въ самое сердце страны и выжжетъ на немъ свой слѣдъ, неизгладимый въ теченіе, быть можетъ, цѣлаго ряда поколѣній. Что дѣлать? Какъ остановить нашествіе? Въ порядкѣ величайшей спѣшности, подъ приближающійся грохотъ шрапнелей, надо было безотлагательно рѣшать эту задачу, которая многимъ малодушнымъ уже представлялась квадратурой круга.

Развязать общественную самодѣятельность всѣхъ классовъ страны, и въ процессѣ обновленія ея организма стократно умножится и сила ея сопротивленія. Самодѣятельная, обновляющаяся, въ полтора ста мил-

люновъ народа страна непремѣнно сумѣетъ создать такую организованную мощь, о которую разобьется нашествіе врага, какъ когда то разбился натискъ европейской коалиціи о республиканскую армію Карно...— такъ рѣшали мы эту задачу, нами названную двуединой, задачу слитной въ одну двоякой работы...

Нѣтъ,—заявляетъ официальная пятерка,—всенародными усиліями должна быть предпринята не эта двоякая работы и осуществлена не двуединая задача—обновленія и защиты, а только задача обновленія. Правда, по признанію самой же пятерки, опасность чрезвычайно велика, ибо „разгромъ Россіи“—говоря ихъ собственными словами—„несетъ ея землямъ опустошеніе, ея народамъ—опасность насильственного присоединенія и порабощенія“. Тѣмъ не менѣе, задача защиты не должна становиться передъ демократіей: защита при данныхъ условіяхъ есть-де, во первыхъ, имперіалистское и, какъ таковое, лукавое дѣло, а, во-вторыхъ, оно и безнадежное дѣло. „Побѣдоносный германскій имперіализмъ *не можетъ быть остановленъ на своемъ пути силою оружія* (sic!): онъ показалъ себя сильнѣйшей среди другихъ имперіалистскихъ силъ“. „Одна только сила можетъ преградить ему путь къ дальнѣйшимъ побѣдамъ, къ дальнѣйшему топтанію и терзанію побѣжденной Россіи“.

Какая же?—Сила народнаго преобразованія—заявляютъ официальные пять. Прекрасно, но, вѣдь, сила то народнаго преобразованія—преобразованный народъ долженъ будетъ все же, казалось бы,—взяться за оружіе, чтобы прогнать ту неприятельскую армію, которая заняла его земли; которая, по выраженію нашихъ же „отвѣтственныхъ“ пяти—„топчетъ и терзаетъ“ Россію. Стало быть, и они—эти „отвѣтственные“ пять—пришли къ тому выводу, что дѣло обновленія сливается съ дѣломъ защиты, съ дѣломъ организациі вооруженной

борьбы съ непріятелемъ. Ergo, и у нихъ выходитъ какъ будто бы по нашему, что первымъ проявленіемъ обновленія, первымъ его дѣломъ только и могло въ данномъ случаѣ быть, что изгнаніе вражеской арміи?

Какъ бы не такъ! Нѣтъ. И обновленная страна—по мудрому заключенію пяти—не ведетъ вооруженной борьбы съ „сильнѣйшей имперіалистской силой“. Она дѣйствуетъ не вооруженной рукой, не матеріально, а—если можно такъ выразиться—духовно, сверхестественно-мистически, на манеръ тѣхъ библейскихъ воиновъ, которые, вопреки всѣмъ правиламъ стратегіи, трубными звуками повергли въ прахъ іерихонскія стѣны. Вотъ точно такимъ же манеромъ и обновленная страна—въ концепціи нашихъ „пяти“. Трубный звукъ преобразования Россіи заставляетъ пасть всѣ капиталистически-имперіалистскія стѣны Европы. Европейская демократія, и въ первую голову германская, радикально мѣняетъ свой обликъ. Шейдеманнъ метаморфозизируется въ Розу Люксембургъ, и коллективная Роза Люксембургъ заставляетъ вернуться вспять всѣ германо-австрійскіе полки, которые только что „топтали и терзали“ Россію, но которые вдругъ стали почему то поджидать, не двигаясь съ мѣста и прекративъ свое непохвальное „топаніе и терзаніе“, пока кончатся всѣ три этапа процесса: во-первыхъ, закончится преобразование Россіи, во-вторыхъ, перенесется искрой духъ этого преобразования въ Европу, и въ третьихъ, наконецъ, перенесенная искра' вспыхнетъ всеевропейскимъ пожаромъ.

Чудо изъ чудесъ! Но еще большее чудо, кто — по утвержденію пяти—окажется тѣмъ чудотворцемъ, который въ смятеніи и шумѣ небывалой катастрофы сможетъ заставить слушать себя и властно „призвать словомъ и примѣромъ“ (выраженіе документа) заблудшуюся, растерявшуюся и растерявшую всѣ свои прин-

ципы демократію Европы? Иначе говоря, кто явится вдохновеннымъ носителемъ преображенія Россіи и де-міургомъ мірового развитія!

Это тотъ самый неграмотный русскій народъ, изъ котораго, по увѣренію документа, нельзя въ нѣсколько мѣсяцевъ, въ противоположность народамъ Европы, „сдѣлать“ „сноснаго солдата“, изготовить реформированную даже всенародными усиліями обыкновенную армію, но который, во всеоружіи своей неграмотности, „поднимется“ — чтобы стать арміей спасенія Европы!

Нѣтъ, этого не можетъ быть! — слышу я протестующій крикъ оглушеннаго и пораженнаго читателя. Тутъ что-то не такъ! Вы клевете на старыхъ заслуженныхъ марксистовъ, приписывая имъ вами только что изложенный взглядъ, какъ ихъ достояніе, рисуя картину какой то наглядной несообразности!

Я и самъ, читатель, не вѣрилъ своимъ глазамъ, когда впервые увидалъ пресловутый документъ, помѣченный 21 августа (3 сент.) 1915 года, оттиснутый въ одной изъ женевскихъ типографій и скрѣпленный пятью подписями. И я безконечно огорченъ, что не имѣю сейчасъ возможности, въ силу „независящихъ“ отъ меня „обстоятельствъ“, привести документъ текстуально, отъ первой и до послѣдней его строчки, чтобы читатель былъ въ состояніи убѣдиться, до какой степени точно я излагаю содержаніе документа, чтобы онъ могъ не повѣрить мнѣ на слово, а самолично вложить перста свои въ эту язву нашего идейнаго развитія и дать мнѣ свое подтвержденіе: да, это такъ!

Конечно, это такъ! И это было бы такъ даже и въ томъ случаѣ, если бы не существовало документа, который стыдно и больно читать. Документъ только яркій образчикъ той операци, которая извѣстна въ логикѣ подъ именемъ *reductio ad absurdum* — приведеніе къ нелѣпости. Это приведеніе къ нелѣпости въ данномъ

случаѣ продѣлалъ съ нашими авторитетными и официальными марксистами тотъ фатумъ въ видѣ развертывающихся событій на сценѣ русской дѣйствительности, который заставилъ ихъ сдѣлать практическій выводъ изъ ихъ quasi-теоретической предпосылки. Практика и погубила, она и обнаружила всю несостоятельность этой предпосылки, которая пытается контрабандой, по частямъ, вводить въ наличный строй общественной дѣятельности максималистскій мотивъ, и дѣлать то, что дѣленію не подлежитъ.

Ибо одно изъ двухъ. Или въ жизни, дѣйствительно, идетъ то непосредственное достиженіе „конечной цѣли“, которое французами именуется *la lutte finale*, и тогда, разумѣется, отпадаетъ все то, что составляетъ не „конечный“ этапъ, а промежуточные звенья въ развитіи—вся демократическая дѣятельность на основѣ современной капиталистической общественности съ ея ближайшими задачами, въ томъ числѣ и оборона отдѣльныхъ государствъ, или—*lutte finale* еще не происходить, и тогда невозможно—во имя этой *lutte finale*—упразднить ни одного изъ звеньевъ промежуточной дѣятельности, ни одного изъ положеній программы *minimum*, не рискуя попасть въ то безвыходно-смѣшное и неумное положеніе, въ которомъ очутились наши пять официальныхъ марксистовъ со своимъ размахистымъ жестомъ, со своимъ не настоящимъ, а бутафорскимъ картоннымъ мечомъ.

А коготокъ увязъ, всей птичкѣ пропасть! За первымъ обломкомъ старой „минимальной“ программы—лиха бѣда начало!—естественно слѣдовать второму, третьему, всѣмъ остальнымъ. Мы уже знаемъ теперь, что кинтальская конференція единомышленниковъ нашихъ пяти уже отвергла не только оборону, но и всю ту борьбу съ милитаризмомъ и съ имперіализмомъ, которая намѣчалась до сихъ поръ международнымъ обще-

ственнымъ мнѣніемъ, ибо эта борьба въ видѣ требованія ограниченія вооруженій, третейскихъ судовъ и проч. стоитъ на почвѣ существующихъ отношеній капиталистической общественности.

Въ сущности, *въ принципѣ*, минимальная программа уже упразднена. Сохраняется только „пережитокъ прошлаго“ въ умахъ, съ которымъ психологически трудно сразу раздѣлаться, но достаточно раздѣлаться— и международная демократія съ ея огромнымъ теоретическимъ и практическимъ опытомъ будетъ окончательно погребена, чтобы очистить мѣсто новой варіаціи того демократическаго варварства, которое зовется послѣдовательнымъ и откровеннымъ максималистскимъ анархо-синдикализмомъ.

Мы не должны закрывать глазъ на эту страшную опасность, на этотъ полнѣйшій, самый рѣшительный разрывъ со всѣмъ прошлымъ демократіи, создавшимъ ея силу и славу, на это грозящее намъ возвращеніе въ первобытное состояніе, къ примитиву временъ старозавѣтнаго бакунистскаго бунтарства, которое обѣщаетъ теперь возродиться въ видѣ анархо-синдикалистской „гимнастики“, какъ единственнаго выхода для тѣхъ, кто вообразилъ себя стоящимъ вплотную лицомъ къ лицу съ предѣльнымъ достиженіемъ демократіи.

И меньше всего мы можемъ и должны позволять осуществиться претензіи эту мудрость подновленнаго анархо-синдикализма выдать за марксистское правовѣріе, за безсмертный новаторскій реализмъ марксизма. Пусть, кто хочетъ, летитъ головою внизъ въ эту пропасть политическаго небытія,—мы объ этомъ можемъ только скорбѣть, но пусть не позволяетъ себѣ при этомъ утверждать, что пребываетъ по прежнему „на старыхъ позиціяхъ“, и пусть не надѣваетъ судейской тоги и не отлучаетъ отъ церкви своихъ старыхъ товарищей, дѣйствительно ни отъ чего не отречшихся,

дѣйствительно продолжающихъ, какъ умѣютъ, идти
впередъ—по старому пути!

Въ этой первой части нашей работы мы старались показать, какое роковое и всеобъемлющее значеніе имѣеть для демократіи ея отказъ отъ обороны, какъ этотъ, казалось бы, частный вопросъ неизбежно разрастается въ вопросъ всей minimum-программы и переворачиваетъ вверхъ дномъ ея демократическую политику. Мы критиковали, такимъ образомъ, „практическій разумъ“ новаго теченія.

Но мы отложили нашу критику „чистаго разума“ этого теченія, тѣ теоретическія предпосылки, которыя оно успѣло собрать, его историческую философію, его оцѣнку современнаго развитія, его антинаціональный космополитизмъ въ его противоположности старому интернаціонализму. Этому „чистому разуму“ мы посвящаемъ вторую часть настоящей работы.

Издательство и
книжный складъ „КНИГА“

ПЕТРОГРАДЪ,
Стремянная ул., 11,
тел. 648-62.

МОСКВА,
Б. Садовая, 10, Пигитъ
кв. 33. Тел. 5-60-22.

ИЗДАНИЯ ТОГО-ЖЕ АВТОРА.

„ЭТЮДЫ О РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ“.

Сборникъ статей.

Содержаніе: Артельная эпопея.—О „Наслѣдствѣ“ и „наслѣдникахъ“.—О разночинцѣ скитальцѣ.—Что случилось.—Современная весталка. О двуликой демократіи.—Наши злключения.

Цѣна 1 руб. 20 коп.

П. Б. АКСЕЛЬРОДЪ (45 лѣтъ общественной дѣятельности).

Содержаніе: Дѣтство.—Кіевскій Кружокъ.—Бѣгство за границу. Редактированіе „Общины“. Отъ анархизма къ марксизму.—„Группа Освобожденіе Труда“. 30-ые года.—Борьба съ экономизмомъ и Бернштейнствомъ.—Основаніе „Искры“ и „Зари“.—Расколъ въ саціалъ-демократіи и тереотическое обоснованіе меньшевизма.—„Рабочій сѣздъ“.

Цѣна 25 коп.

ВОЙНА И ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНАГО ДЕМОКРАТИЧЕСКАГО СОЗНАНІЯ.

Выпускъ 1-й.

Цѣна 75 коп.

Имѣются на складѣ издательства „КНИГА“ Стремянная, 11. Тел. 648-62.

Въ провинцію книги высылаются наложеннымъ платежомъ.

Издательство и
книжный складъ

„КНИГА“

ПЕТРОГРАДЪ,
Стремянная ул., 11,
тел. 648-62.

МОСКВА,
Б. Садовая, 10, Пигитъ,
кв. 33. Тел. 5-60-22.

**МАРКСИЗМЪ И ВОПРОСЫ
ВОЙНЫ И МИРА**

Сборникъ статей В. Май-
скаго, Энзиса и Velox'a.

Выпускъ I-й.

Ц. 70 к.

Ник. Сухановъ. ПОЧЕМУ МЫ ВОЮЕМЪ?

Цѣна 80 коп.

А. Ерманскій МАРКСИСТЫ НА РАСПУТЬИ.

О сборникѣ „Самозащита“.

Ц. 60 к.

**А. Потресовъ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМЪ И
КОСМОПОЛИТИЗМЪ.**

(Печатается).

Вл. Бурцевъ.

О В О Й Н Ъ.

Съ приложеніемъ 2-хъ писемъ
П. КРОПОТКИНА.

Цѣна 55 к.

МАРКСИЗМЪ И ВОПРОСЫ ВОЙНЫ И МИРА.

Вып. II.

(Печатается).

Въ провинцію книги высылаются наложеннымъ платежомъ.

Продолжается подписка на новый двухнедельный журналъ

„ДѢЛО“

издающійся при ближайшемъ участіи П. П. Маслова,
Л. И. Ортодоксъ и А. Н. Потресова.

Журналъ будетъ выходить 2 раза въ мѣсяцъ книжками по
5 печатныхъ листовъ.

Условія подписки: На 1 г. съ пересылкой—9 р., на полгода—
4 р. 50 к., на 3 мѣс.—2 р. 25 к., на 1 мѣс.—80 к.,
Цѣна отд. книж. въ розничн. продажѣ—45 к.

Подписная цѣна до конца 1916 г. (10 №№) 3 руб. 75 коп.

За границу: На 1 г. съ пересылкой—12 р., на полгода—6 р.,
на 5 мѣс.—5 р., на 3 мѣс.—3 р., на 1 мѣс.—1 р. 10 к.
При непосред. обрац. въ Главную Конт. для учащихъ въ высш.
уч. зав., нар. учит., крестьянъ и рабочихъ допускается льготн.
подписка: на 1 годъ—8 р., на полгода—4 р., на 5 мѣсяцевъ—
3 р. 25 к., на 3 мѣсяца—2 р., на 1 мѣсяць—70 к.

Отд. въ Петроградѣ: изд. и складъ „КНИГА“ Стремянная, II. Тел. 648-62.

Съ сентября мѣсяца начнетъ выходить новый научный
журналъ

„ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“,

при ближайшемъ участіи П. П. Маслова.

Журналъ ставитъ своей задачей изслѣдованіе и освѣщеніе различ-
ныхъ сторонъ народнаго и міроваго хозяйства и социальной
политики съ точки зрѣнія интересовъ широк. слоевъ населенія.
Журналъ будетъ выходить пять разъ въ году: въ сентябрѣ,
ноябрѣ, январѣ, мартѣ и маѣ книжками по 10—12 печат. листовъ.

Подписка принимается только на весь годъ.

Цѣна на 1 г. съ перес.—6 р. За гран.—10 р. Перем. адр.—50 к.
Учащимся въ высш. уч. завед., нар. учителямъ, крест., рабоч. и
служ. обществ. учрежденій, при непосредственномъ обращеніи
въ Главную Контору, цѣна на 1 годъ съ перес.—5 р. 50 к.

Цѣна отдѣльн. номера 1 р. 50 к. Перес. по дѣйств. стоимости.

Лицамъ, желающимъ ознакомиться съ журналомъ,
№ 1-й можетъ быть высланъ за 1 руб. 50 коп. съ пересылкой.
Адресъ редакціи и главной конторы обоихъ журналовъ: Москва
Трубная ул., д. 33, кв. 5. Телеф. 3-95-85.

Подписка также принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ
и въ почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ.

Отд. въ Петроградѣ: изд. и складъ „КНИГА“ Стремянная, II. Тел. 648-62.

Въ провинцію книги высылаются наложеннымъ платежомъ.

Издательство и
книжный складъ

„КНИГА“

ПЕТРОГРАДЪ,
Стремянная ул., 11.
тел. 648-62.

МОСКВА,
Б. Садовая, 10, Пигитъ,
кв. 33. Тел. 5-60-22.

Книжный магазинъ „КНИГА“ принимаетъ на себя:

Высылку всѣхъ книгъ имѣющихся въ продажѣ.

Составленіе и пополненіе общественныхъ, городскихъ, сельскихъ, рабочихъ, учительскихъ, ученическихъ, дѣтскихъ и народныхъ библиотекъ.

Указаніе литературы по отдѣльнымъ вопросамъ.

Періодическую высылку книжныхъ новинокъ частнымъ лицамъ, а также въ общественныя учрежденія и библиотеки.

Книжный магазинъ принимаетъ изданія на комиссію и на складъ.

Земскія и городскія учрежденія, больничныя кассы, професіон. о-ва, учебныя заведенія, библиотеки и др. просвѣтительныя учрежденія пользуются скидкой.

Справочный отдѣлъ „КНИГИ“ принимаетъ на себя:

составленіе и пополненіе, съ тщательнымъ выборомъ, общественныхъ, земскихъ, частныхъ, товарищескихъ, народныхъ и ученическихъ библиотекъ;

выдачу справокъ, касающихся вопросовъ образованія и самообразованія;

указаніе литературы по отдѣльнымъ вопросамъ;

составленіе небольшихъ библиотекъ изъ избранныхъ рекомендованныхъ изданій.

Въ провинцію книги высылаются наложеннымъ платежомъ.

EESTI RAHVUSRAAMATUKOGU

2-03-02931